

ТАТЬЯНА ВОРОНЦОВА

*Две женщины и мужчина
на прекрасном острове Корфу,
клубок запутанных интимных
проблем. Все так просто —
и все так безумно, безумно
сложно! Любовь втроем —
возможно ли это?*

Журнал TRAVELER

*В отрочестве мы под
большим секретом давали
почитать такие книги
«на одну ночь!» друзьям.*

Елена Жукова, фотомодель

Морской Змей

Они договорились
не задавать друг другу
вопросов. Молодые,
красивые, страстные,
они встретились
на маленьком греческом
острове Корфу,
чтобы пережить самое
невероятное, безумное,
восхитительное,
убийственное, лучшее...
самое фантастическое лето
в своей жизни. Лето, когда
тщательно скрываемое
прошлое напомнило о себе
чередой событий,
предвидеть которые не мог
ни один из них...

TOP STYLE

Татьяна Воронцова

Морской змей

«Издательство АСТ»

2007

Воронцова Т.

Морской змей / Т. Воронцова — «Издательство АСТ», 2007

ISBN 978-5-17-045054-1

Они договорились не задавать друг другу вопросов. Закрыть глаза и повернуться к прошлому спиной! Прекрасная мечта, на деле она неосуществима – в этом очень скоро убедились и Лиза, и Джемма, и Венсан. Молодые, красивые, страстные, эти трое встретились на маленьком греческом острове Корфу, чтобы пережить самое невероятное, безумное, восхитительное, убийственное, лучшее самое фантастическое лето в своей жизни. Лето, когда тщательно скрываемое прошлое напомнило о себе чередой событий, предвидеть которые не мог ни один из них...

ISBN 978-5-17-045054-1

© Воронцова Т., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Татьяна Воронцова Морской змей

*Когда, закрыв глаза, я в душиный вечер лета
Вдыхаю аромат твоих нагих грудей,
Я вижу пред собой побережия морей,
Залитых яркостью однообразной света;*

*Ленивый остров, где природой рождены
Деревья странные с мясистыми плодами;
Мужчин с могучими и стройными телами
И женщин, чьи глаза беспечностью полны.*

*Шарль Бодлер. Экзотический аромат.
Перевод В. Брюсова*

Глава 1

Еще одна ночь в двухэтажном каменном доме с высокими потолками и огромными полупустыми комнатами, насквозь продуваемыми утренним бризом, окончательно убедила ее в том, что принятое неделю назад решение было правильным. Открыть глаза, потянуться всем телом под тонким тканевым одеялом, вдохнуть полной грудью, впитывая запахи кипарисовой рощи и блещущей в просветах между стволами морской воды... Прогнать все мысли. Застыть прозрачным кристаллом в самой сердцевине текущего мгновения.

Застыть, да. Она лежит неподвижно, не открывая глаз, слушая свое легкое дыхание, звон цикад в листве да нескончаемые сладостные стоны за стеной. Семь утра, а эта безумная итальянка и этот абсолютно безумный француз уже вовсю предаются пороку. Все двери распахнуты настежь (фобия Джеммы сформировалась в подростковом возрасте, когда за малейшую провинность ее запирали в комнате наедине с молитвенником и набором для рукоделия и держали там по нескольку дней, подавая пищу в строго определенный час – в то время ее родители еще надеялись вырастить из нее «скромную девушку, пригодную для замужества»), так что при желании можно уловить ритмичное поскрипывание кушетки (фобия Венсана иного рода – он навсегда потерял способность заниматься любовью в постели, с тех пор как перебрал спиртного на вечеринке в доме своего школьного друга, а наутро обнаружил у себя под боком роскошную блондинку с перерезанным горлом), шепот Венсана и его же гортанные смешки, которыми он реагирует на выкрутасы партнерши. Иногда он нашептывает свои непристойности по-английски, чтобы все могли его понять, а иногда, забывшись, по-французски. В этом случае Джемма кричит возмущенно: «*Sfacciato! Libertino!*»¹ – тем самым давая понять, что безоговорочно одобряет его действия.

Пойти присоединиться к ним? О нет, слишком рано. Семь утра, господи боже мой! Эти двое совсем спятили. Лиза переворачивается на другой бок и закрывает глаза. Заснуть, конечно, не удастся, но хотя бы просто понежиться в постели, предвкушая еще один солнечный, упоительно беззаботный день.

С Джеммой она познакомилась в Керкире, в ювелирной лавочке, где выбирала серьги из черненого серебра с традиционным греческим орнаментом. Выбор был невелик, но один из

¹ Наглец! Развратник! (итал.)

вариантов ее вполне устраивал. Она уже готова была сказать «да», как вдруг стоящая рядом молодая черноволосая женщина ослепила ее улыбкой и молча протянула ей серьги, которые только что примеряла сама. Изящные серебряные серпы со вставками из голубой эмали. Лиза примерила их, и ее светлые глаза наполнились аквамариновым блеском.

– *Magnifico!*² – прошептала восхищенная итальянка (в том, что она итальянка, можно было не сомневаться) и добавила на прекрасном английском: – Забирайте их. Эти серьги ваши. Их сделали для вас.

– Но ведь вам они тоже понравились, – возразила Лиза, в глубине души разделяя уверенность незнакомки в том, что эти серьги сделаны специально для нее.

Та пожала плечами – жест, исполненный бессознательной грации.

– Не имеет значения. Мне подойдут любые.

Пока Лиза расплачивалась и выслушивала благодарственную речь хозяйки магазина, итальянка вышла под яркое июньское солнце и растворилась в лабиринте узких улочек Старого города.

Они снова встретились спустя два часа на стенах Фортезы – знаменитой византийской крепости XVI века. Далеко выступающий в море мыс с отполированными водой и ветром крутыми каменистыми склонами был будто изначально предназначен для строительства неприступной крепости, отделенной от остальной части города глубокими рвами и толстыми каменными стенами. По мосту Лиза перешла через первый ров, постояла немного под сводами крепостных ворот (сорок градусов в тени – это вам не шутка!), перешла через второй ров, по лестнице спустилась в длинный, извилистый тоннель и, пройдя его до самого конца, свернула на дорожку, ведущую к заброшенным казармам. Другая тропа привела ее на следующий уровень, так называемую вторую линию обороны. Там ее внимание привлекла церковь Агиос-Георгиос – внушительных размеров храм, сложенный из массивных каменных блоков, с портиком и шестью приземистыми колоннами дорического ордера. Лиза отошла подальше, навела объектив фотоаппарата на освещенный солнцем фасад и вдруг увидела (да-да, прямо через объектив), что из храма выходит та самая итальянка. Выходит, достает из сумки солнцезащитные очки, сбегает по ступеням и, заметив одиноко стоящую посреди площади Лизу, радостно машет ей, точно старой знакомой. Под палящими лучами полуденного солнца они еще раз взглянули друг другу в глаза и поняли, что расстаться уже не смогут.

Что не смогут расстаться никогда.

Нет, заснуть определенно не удастся. Слышно, как по грунтовой дороге, петляющей по склону горы, взбирается какая-то развалюха с кашляющим мотором. Ну конечно... Никос, фермер из Лаконеса, привез молоко, козий сыр и творог. И поскольку эти сластолюбцы за стеной в ближайшее время навряд ли обнаружат желание подпрыгнуть и устремиться к воротам, встречать прибывший точно по расписанию завтрак сегодня придется ей, бедной русской девушке.

– Лиз! – доносится из соседней спальни хриплый голос Венсана. – Никос приехал.

– Слышу.

Еще бы не слышать! Чертов грек сигналил так, что все цикады в саду попадали в обморок от страха.

– Пожалуйста, детка, – умоляет Венсан. – Я знаю, сегодня моя очередь, но во имя человеколюбия...

– Я известна как неисправимый мизантроп.

– ...и после этого делай со мной что захочешь.

Она уже на полпути к лестнице (халат на голое тело, в руке расшитый бисером кошелек), но его последние слова заставляют ее обернуться.

² Великолепно! (итал.)

– Уж я взыщу с тебя, грязный галл! Ты у меня наплачешься!

В ответ раздаётся дружный стон. Джемма стонет от восторга, Венсан – от ужаса. Лиза смеется, представляя себе их лица, тщательно застегивает халат и сбегает по лестнице вниз.

– Хэретэ, мадам! – кричит Никос, пока она пересекает затененную веранду.

Шелковый подол халата с шелестом струится вокруг коленей, каменные плиты веранды холодят босые ступни.

– Хэретэ, – отвечает Лиза, подходя ближе. И без передышки выдает заранее отрепетированную фразу: – Пос панэ та прагмата?³

Смуглый грек, напоминающий пирата из команды капитана Кидда, улыбается до ушей. Он уже не молод, но пышные усы и шляпа набекрень придают ему бравый и даже разухабистый вид.

– Эндакси, – отвечает он, энергично кивая головой, чтобы до нее как следует дошло. – Эндакси⁴.

Древний, как ящер, «форд-пикап» каким-то немыслимым образом разворачивается на узкой дороге (надсадный рев мотора, клубы пыли, камни из-под колес – все по полной программе) и начинает спуск. Стоя у калитки, Лиза еще некоторое время провожает его глазами, а когда он скрывается за поворотом, не спеша поворачивается и идет через сад к дому. Босые ноги осторожно ступают по нагретым солнцем шербатым плиткам с проросшей сквозь стыки травой. Корзинка с завтраком тихонько поскрипывает в руке.

Джемма уже на кухне, мерной ложкой засыпает в кофейник молотый кофе. На ней черный кружевной бюстгальтер и короткие джинсовые шортики с разрезами по бокам. Услышав шаги, она поднимает голову, и лицо ее озаряется улыбкой.

– Прости, любовь моя. Этот парень выпил всю мою кровь. Ты ведь не сердишься?

От ее жгучей красоты Лиза, как обычно, на мгновение слепнет. Длинные загорелые ноги, наливные груди... Неудивительно, что Венсана, до глубокой ночи резвившегося в спальне с двумя ненасытными тигрицами, под утро опять разобрало.

– Сержусь.

Она ставит корзинку на стол и приподнимает салфетку. Свежий творог, сыр, баночка меда (о, как это кстати!), домашний хлеб, пирожки... Побросав чашки-ложки, Джемма подбегает к ней, двумя руками поворачивает к себе ее лицо, целует в нос, в глаза, в щеки. Лиза со смехом отбивается.

– Кончай, глупая корова! Мы перевернем стол!

– Не смей называть меня коровой, ты... вешалка для шляп!

Когда Венсан наконец-то находит в себе силы покинуть ложе и спуститься к завтраку, взору его предстает чудная картина: две интеллигентные девушки, блондинка и брюнетка, которые накануне с восторженным блеском в глазах рассматривали экспонаты Археологического музея, катаются по полу, как похотливые кошки, и с истерическим хохотом щиплют друг друга за мягкие места. Их оголенные бедра и покрасневшие лица вызывают у него некое смутное томление, но усилием воли он это преодолевает. Сколько можно, в конце-то концов!

Так, заново отмеряем ложечкой кофе, наливаем холодной воды, ставим кофеварку на газ. Пепельница... где пепельница? Подчеркнуто игнорируя повизгивания за спиной, Венсан закуривает сигарету и занимает стратегическую позицию у плиты, время от времени мечтательно поглядывая в окно, но не забывая про медленно закипающий кофе.

Постепенно девочки успокаиваются и начинают приводить себя в порядок. Поправляют одежду, приглаживают волосы. Лиза вспоминает, что еще не умывалась, и бежит в ванную. Остальные накрывают на стол и строят планы на сегодняшний день.

³ Как дела? (*греч.*)

⁴ В порядке (*греч.*).

Их дом – один из немногих на Корфу, где есть настоящая ванная в современном смысле этого слова. К тому моменту, когда мечта снять дом на все лето и забыть про городские отели наконец осуществилась, Венсан уже успел пересмотреть кучу домов вблизи от деревень и в отдалении, на побережье и на склонах гор – но ванна была далеко не во всех. Между тем Венсану, как и всякому цивилизованному европейцу, было свойственно мыться. Мыться часто и всерьез, используя мыло, мочалку и более-менее пресную воду. Он продолжил поиски. А когда они увенчались успехом, хозяин особняка заломил такую цену, что чистоплотный француз крикнул и пошел полоскаться в морской водичке. А через несколько дней познакомился с Лизой и Джеммой. Вернее, они познакомились с ним.

С влажными после душа волосами Лиза садится к столу и протягивает руку за куском хлеба.

– *Bonjour, ma petite*⁵, – приветствует ее Венсан, как будто они еще не виделись. В руке у него кофейник. – Тебе с сахаром и со сливками?

Он прост и приятен в общении, как может быть приятен только настоящий француз. Находчив, покладист и открыт для любых экспериментов. Возможно, у него и есть какие-то недостатки, но пока что ни Лизе, ни Джемме не удалось обнаружить ни одного.

– *Non, chère*⁶, – отвечает Лиза, призвав на помощь свои школьные знания. – С сахаром, но без сливок.

– А может, поехать в залив Сидари и посмотреть на эти знаменитые, подточенные водой скалы? – рассуждает Джемма, листая путеводитель. – Судя по картинкам, там красиво.

Она уже полностью пришла в себя после утренних баталий и сидит за столом свежая и опрятная. Густые кудри собраны в хвост, свисающий до середины спины.

– На картинках все красиво, – пожимает плечами Лиза, хотя серьезных возражений против поездки на север у нее нет.

– А ты что предлагаешь? Лежать с утра до вечера на пляже, нагуливая жирок? Впрочем, тебе это не повредит.

– Да и тебе тоже.

– О нет, с меня хватит. На мне и так уже все штаны трещат по швам. – Джемма со смехом похлопывает себя по бедрам. – Если я буду и дальше такими темпами наращивать задницу, боюсь, наш мальчик не совладает с таким избытком плоти.

– Ну, жалоб мы пока не слышали, – замечает Лиза, одобрительно разглядывая ее аппетитные формы. – И вообще, как мне кажется, французы предпочитают женщин в теле. Что скажешь, Венсан?

Венсан молча уплетает творог, смешанный с изюмом и сдобренный тимьяновым медом. Подливает себе еще кофе, намазывает маслом рогалик. Все это – с видом человека, абсолютно довольного собой. Управившись с завтраком, он блаженно откидывается на спинку стула и закуривает сигарету. Между тем девушки выжидательно смотрят на него, явно ожидая ответа на какой-то недавно прозвучавший вопрос.

– Что? – переспрашивает он с невинной улыбкой.

Лиза и Джемма обмениваются многозначительными взглядами, точно две медсестры, только что получившие возможность убедиться в правильности поставленного доктором диагноза. Ох уж эти его грезы наяву!

Приходится начинать все сначала. Они смеются и болтают, упиваясь ощущением безоблачности своего счастья. Огромный дом в кипарисовой роще и трое безумцев, едва знакомых друг с другом, но готовых довольствоваться тем, что есть. Никаких скелетов в шкафу. Никаких проблем. Никаких обязательств.

⁵ Доброе утро, малышка (франц.).

⁶ Нет, дорогой (франц.).

Прислушиваясь к звучанию трех разных голосов (медлительному, хриловатому – Венсана; звонкому, жизнерадостному – Джеммы; и своему – неестественно ровному, чересчур старательно выговаривающему английские слова), Лиза впервые задумывается о том, что, общаясь друг с другом, ни один из них не говорит на своем родном языке. Забавно. И символично. Сойтись на нейтральной территории, как представители различных видов, рас, племен. Сойтись и попытаться достичь взаимопонимания.

– Ну что? Ну что? – тормозит всех Джемма. – Мы едем или нет? *O mamma mia!* С вами можно всю жизнь просидеть на одном месте! Или как же это... – Повернувшись к Лизе, она нетерпеливо щелкает пальцами. – Напомни мне... ну, то русское выражение...

– Остаться у разбитого корыта.

– Да, точно!

– Корыто? – переспрашивает Венсан. – Что еще за корыто?

Пока происходит мытье посуды и смахивание крошек со стола, Лиза рассказывает им «Сказку о рыбаке и рыбке». Венсан морщится, ему не нравятся истории, в которых есть мораль. Хотя определенное удовольствие все равно получает, подтрунивая над Джеммой, способной извлечь мораль даже из забытой на столе пачки сигарет. Сам он редко снисходит до продолжительных монологов, но когда снисходит, послушать его одно удовольствие. Правда, его интерес простирается в основном в сферы магии, демонологии и алхимии. Он – мифотворец, день за днем творящий свой собственный миф, измышляющий собственную космогонию.

– Ну все, пошли, – торопится Джемма. – Венсан, ты убрал постель?

– Зачем? Вечером все равно разбирать.

– Бездельник! Лоботряс!

– Бездельник, да? – Возмущенный, он хватается ее обеими руками за бедра, что приводит Джемму в неописуемый восторг. – А мне казалось, что сегодняшний день начался с одного очень важного дела, требующего терпения, сноровки и элементарной физической выносливости. Забыла? Придется тебе напомнить...

– Вечером, сладкий мой! Напомнишь мне вечером!

Лиза чувствует, что пришло время вмешаться.

– Вечером? Ну нет! Сегодня вечером он мой. – И, подойдя, обвивает шею Венсана обеими руками. – К тому же он сам сказал, что я могу делать с ним все, что захочу.

По пути в Сидари торг продолжается. Сидящая на переднем сиденье Джемма грациозно перекидывает голую ногу через колено Венсана. Пальчики Лизы щекочут сзади его шею, забираются за ворот рубашки.

– Знаешь что? Мы должны беречь его. Хорошо кормить, ну и так далее.

– По-твоему, мы его не бережем? Я, например, вчера стирала его майку, которую он спяну залил Метаксой.

– Ты стирала СВОЮ майку, – вносит поправку Венсан, – а я просто проходил мимо и подумал...

– ...в любом случае я ее выстирала!

Дорога петляет по крутым горным склонам. Обшарпанный, но резвый «судзуки-самурай» с откидным верхом подпрыгивает на кочках, заставляя пассажиров задуматься о судьбе недавно съеденного завтрака. Под кронами деревьев воздух жаркий, насыщенный запахом трав. Солнечный свет сочится сквозь темно-зеленую листву, пронизывая буквально все, наполняя сиянием каждый уголок этого сказочного мира. Библейская лучезарность... Кто это сказал? Сразу не вспомнишь, но кем бы он ни был, он попал в самую точку.

– А я, – припоминает Лиза, – зашивала его шорты. Он порвал их, когда съехал на заднице с той скалы неподалеку от Ангелокастро... Но я не о том!

– Знаю, знаю! – смеется Джемма. – Не переживай, сестренка, ничего ему не сделается. Да ты посмотри на него: не парень, а загляденье просто. Молодой, здоровый. Его хватит на десятерых таких, как мы.

На все эти провокации Венсан реагирует лишь слабым подрагиванием рта. Это не улыбка, а отражение каких-то праздных мыслей, мимолетных, точно солнечные блики на стеклах его темных очков.

– Хотя, на мой взгляд, – продолжает Джемма, – это было весьма опрометчиво с его стороны: заявить, что ты можешь делать с ним все, что заблагорассудится. А вдруг ты окажешься такой изобретательной, что уже через пять минут он пожалеет о своих словах?

– Сделаю для этого все возможное и невозможное.

– Бедный мальчик! Будет ли мне позволено присутствовать при жертвоприношении?

С отсутствующим видом, как будто речь вовсе не о нем, Венсан кидает в рот одну из лакричных конфеток, при помощи которых рассчитывает сократить количество потребляемых за день сигарет. С необходимыми предосторожностями вырывается с грунтовой дороги на асфальтированную, внимательно изучает дорожный указатель и, поскольку выбирать особо не из чего, сворачивает налево, на Дукадес.

– И все же не забывай, дорогая, что он нужен нам не только в качестве жертвенного животного, но и...

Часть слов тонет в грохоте промчавшегося по встречной полосе фермерского грузовичка. И как только греки умудряются развивать подобную скорость на этих козых тропах, которые они называют дорогами?

– ...сейчас еще только начало июля, впереди все лето, так что если мы, боже упаси, угробим нашего Адониса, нам придется искать себе нового.

Венсан тяжело вздыхает. Выплевывает конфетку и лезет в карман за сигаретами. Эти ужасные женщины угомонятся когда-нибудь или нет?

– Смотри-ка, похоже, нам удалось его напугать. Венсан, голубчик, не принимай это близко к сердцу. Подумай сам, что может случиться? Ну, полежишь денек-другой в постели. Мы будем хорошо за тобой ухаживать: поить, кормить...

– Ах, *chere*, ну не молчи же так сурово. Скажи что-нибудь. Скажи, что любишь нас.

– Бесстыжие шлюхи, – произносит он вместе с зевком. – Вампириши.

На третий день знакомства Джемма спросила:

– А что ты вообще здесь делаешь? Просто отдыхаешь?

– Ну... да, – с запинкой ответила Лиза. Ей страсть как не хотелось отвечать на все эти неизбежные вопросы. – А что тут такого?

Джемма пристально разглядывала ее, потягивая через соломинку апельсиновый сок. Они сидели за столиком в одном из кафе Листона – длинной, сводчатой галереи, напоминающей парижскую Риволи. Было семь часов вечера, жара понемногу спадала, и узкие улочки и засаженные деревьями площади Керкиры заполнили толпы туристов, жаждущих развлечений. Рестораны, сувенирные лавочки, эстрада под открытым небом, аллеи, фонтаны... И две женщины за столиком, испытывающие непреодолимое влечение друг к другу. Словно дети одной матери, разлученные в младенческом возрасте: узнаешь меня, сестра? узнаешь?... Это таинственное нечто, так похожее на зов крови, но не являющееся им, пленяло и ароматом сексуальности, и первобытным, интуитивным ощущением богоугодности их нелепой на первый взгляд связи. Да-да, древние боги улыбались, глядя на них сквозь пелену и муть источаемой всем родом человеческим безнадежной суетности, и от этой улыбки им становилось легко и спокойно.

– Молодая, красивая женщина приезжает на пару недель на маленький греческий остров и внезапно решает остаться на все лето. Хм-м... – Глаза Джеммы сощурились. –ловишь рыбку в мутной воде?

– Мутной воды я пока что не видела, да и остров не такой уж маленький.

– Но ты здесь совсем одна!

– А ты разве не одна?

– У меня есть спонсор, – насмешливо улыбнулась Джемма. – Шестидесятилетний промышленный магнат. Сейчас он в Майами.

– Ничего себе, – пробормотала Лиза, толком не понимая, восхитило ее это или обескуражило.

– Думаю, у него в активе еще дюжина таких, как я, но пока он не потерял ко мне интерес...

– А когда потеряет?

– Найдется другой промышленный магнат. Или банкир. Или просто какой-нибудь престарелый мафиози, готовый платить за то, чтобы ему ежедневно массировали его дряблую задницу.

Лиза почувствовала, что должна что-то сказать в ответ. Поделиться чем-то из сокровищницы своего прошлого, где каждый камешек, не закапанный кровью, полит горячими слезами и забрызган блевотиной.

– У меня нет спонсора. Весной я продала квартиру, которую отсудила у бывшего мужа. Жить в ней я все равно бы не смогла, ну и на эти деньги...

Она увидела лицо Джеммы и замолчала. Взгляд мгновенно увлажнившихся глаз зывал о милости: «Бога ради, избавь меня... эти семейные драмы...» Действительно, выслушивать такое не очень приятно. С другой стороны, она ведь сама спросила. Спросила и тут же испугалась. Что ж, бывает.

– Забудь об этом, Элиза, – прошептала Джемма, ласково касаясь ее руки. – Всем нам приходится что-то забывать. Это нелегко, но... надо же как-то жить дальше. Забудь, расслабься, разреши себе снова быть счастливой.

– А ты? – спросила Лиза, проглотив комок. – Ты сможешь снова быть счастливой?

– Я помогу тебе, а ты поможешь мне. И никаких жалоб и причитаний, договорились?

Прекрасное правило, и следовать ему оказалось легко и просто. Сбрасывая с себя короткий пляжный халатик, сбросить заодно и кожу. Всю эту мерзкую чешую с налипшей со всех сторон слизью и грязью, что выросла за последние несколько лет. Шесть? Семь? Какая разница... Главное, что теперь все это следовало счистить, соскрести, соскоблить. Умереть и родиться заново, как в древних мистериях. Омыть в этих божественных водах тело и душу, а потом выйти из пены морской и промолвить с безмятежной улыбкой: «Вот я!»

Отплывая на порядочное расстояние от берега и оттуда оглядываясь на лесистые склоны гор, на острые верхушки кипарисов, белые стены и оранжевые черепичные крыши домиков, тонущих в этом изумрудном великолепии, Лиза буквально задыхалась от счастья. А зрелище повторяющихся изо дня в день восходов и закатов, которые они с Джеммой наблюдали с узкого моста, соединяющего Канони с Перамой, или со смотровой площадки напротив острова Понтикониси, неизменно погружало ее в мистический экстаз. Прошное отваливалось от нее кусками, оставляя на память астральные струпья и шрамы, и если им суждено когда-нибудь затянуться, то только здесь. Только здесь.

Крит прекрасен, но суров. Место, где начинаешь задумываться о смысле жизни, о парадоксах времени, о божественном провидении, об истоках бытия. Корфу – это царство тропической зелени, пронизывающего все и вся волшебного света. Эдемский сад. Летняя резиденция Диониса. На Крите слышна музыка сфер, на Корфу – флейты Пана.

Ей вспоминались строки из книги – лучшей книги о Греции, которую она когда-либо читала: «Здесь свет обладает сверхъестественным свойством: это не просто свет Средизем-

номорья, это нечто непостижимое, нечто священное. Здесь свет проникает прямо в душу, и ты, нагой и беззащитный, погружаешься в метафизическое блаженство, где все становится ясным безо всякого знания. Невротик здесь или окончательно исцелится, или сойдет с ума»⁷. Примерно так...

Однажды их занесло в район Палеокастрицы на западном побережье острова, и там, в маленькой гавани, расположенной в заливе Антипас, они наконец-то поняли, что нашли свой чертог блаженства, свой Асгард, свой Авалон. Песчаные бухточки, разделенные крутыми утесами; тропинки, змейками спускающиеся к уединенным пляжам... Бросив на песок свою полотняную с бахромой сумку, Джемма объявила, что собирается провести здесь ближайшие лет пятьдесят.

В гавани швартовались прогулочные катера и яхты. Кому приедались красоты Афионеса и Арилласа, могли отправиться дальше, к островам Диапонтия, что тоже гарантировало массу впечатлений. Кроме того, здешний подводный мир привлекал любителей дайвинга – их моторные лодки зависали на якорях вблизи каменистых островков у подножия скалы, на вершине которой белели высокие стены монастыря Палеокастрица.

Они заметили этого парня одновременно. Лизу пленила неторопливая грация его движений, свойственная аборигенам какого-нибудь богом забытого архипелага, чье основное занятие – ритуальные танцы и сбор кокосовых орехов. Некуда спешить, незачем напрягаться. Привстав на локте, она наблюдала за тем, как он выбирается из лодки, закидывает на плечо брезентовую сумку со всем своим водолазным снаряжением, расхлябанной походочкой довольного жизнью бездельника шествует по пирсу, а когда повернулась, чтобы обратить на него внимание Джеммы, увидела, что та уже напряглась, словно пума на охоте, и разве что не бьет по циновке хвостом.

– Интересный парень, правда?

– Интересный? – удивилась Лиза. – Мы же его совсем не знаем.

– А я считаю, что мы знаем достаточно. Он молод, здоров, состоятелен...

– С чего ты взяла?

– Дайвинг – развлечение не для бедных. Маска с трубкой, акваланг, гидрокостюм... ты заметила, что у него все свое? И он приехал на машине.

– Ну и что? Здесь полно прокатных контор.

– У него вид... – Джемма покусала нижнюю губу, – не как у туриста, живущего в отеле. Он прошелся по пирсу, потом по пляжу, мимо зонтиков, мимо кафе... ни с кем не здороваясь, ни на кого не глядя... взобрался на горочку и двинул напрямик к стоянке. Он никого здесь не знает, как и мы. Он приехал просто понырять.

– А завтра, интересно, приедет?

Он приехал. С тем же независимым видом пронес свою сумку мимо любителей пива и солнечных ванн, забрался в лодку, что-то там поперекидывал с места на место, завел мотор, лихо развернулся... Лиза и Джемма, ради такого случая не поленившиеся сняться с насиженного места и перебраться поближе к пирсу, дружно застонали от отчаяния. Им даже не удалось разглядеть его лица. Вспенивая морскую гладь, белая с красной полосой лодка на хорошей скорости вышла из гавани и скрылась за ближайшим мысом.

– Похоже, лодка его собственная, – пробормотала Джемма, прикладываясь к бутылке с минеральной водой. – Или он арендовал ее на какой-то срок. Сумка у него, конечно, здоровенная, но навряд ли он таскает с собой кислородные баллоны. Скорее всего оставляет в лодке, зная, что за ней присматривают. Говорю тебе, это мужик с деньгами.

– Даже если и так, зачем он тебе здесь, на Корфу? Ты же приехала отдохнуть.

⁷ Г. Миллер. Колосс Маруссийский.

– Вот именно. И я хочу сделать свой отдых, а заодно и твой, как можно более комфортным. Скажи честно, тебе нравится тот задрипанный городской отельчик, в котором ты остановилась? Вот и мне не особенно. Что делать? Давай подумаем вместе. Сейчас начало июня, туристов с каждым днем становится все больше и больше, приличные отели предпочитают иметь дело с туроператорами, бронирующими номера задолго до начала курортного сезона. Но быть может, отель не единственное жилье, пригодное для обитания? Что скажешь, к примеру, о небольшом особнячке?

– Особнячке? – оторопела Лиза.

Джемма рассмеялась своим мелодичным смехом.

– Да-да, о скромном двухэтажном особнячке среди олив. Не понимаешь? Сейчас поймешь.

И она поделилась тем, что было у нее на уме.

Остров Керкира, или Корфу, представляет собой серп, длина которого всего-навсего шестьдесят километров, а ширина колеблется от четырех километров до тридцати. Долины и отдельные возвышенности на юге, теснящие друг друга горные хребты на севере, разбросанные по склонам гор бесчисленные деревушки... и практически в каждой, а если не в самой деревне, то поблизости – величественные старинные особняки. Большинство из них закрыты и необитаемы. Нынешние владельцы особняков – потомки низложенной Наполеоном Бонапартом венецианской знати – большую часть времени проживают в Керкире. Возможно, кто-то из них согласится сдать свой особнячок в аренду до конца сезона, а кто-то наверняка делает это уже не первый год.

– И сколько за это могут запросить? – поинтересовалась Лиза.

– Понятия не имею. Надо разговаривать.

– А... ясно.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Элиза, – терпеливо произнесла Джемма, – но это не так, поверь. Я не хочу, чтобы этот парень нас содержал. Я хочу, чтобы он стал нашим компаньоном.

– Почему именно он?

– Не знаю. – Смеясь, она пожала плечами. – Просто он единственный мужчина на этом острове, при виде которого у меня не возникает рвотный рефлекс.

– Мужененавистница, – фыркнула Лиза, подталкивая ее в бок.

Джемма скорчила гримаску.

– От такой же и слышу.

День прошел бездарно. Короткие заплывы, сладкая дрема под пляжными зонтиками, обед в ближайшей таверне, снова дрема... Отлежав себе все места, Лиза решила сплавать за мыс, посмотреть, что там. Джемма осталась читать книжку.

Она обогнула мыс и оказалась в бухте чуть меньшего размера, чем предыдущая, с узкой полосой пляжа и большим количеством торчащих из воды скользких каменных глыб. Там-то, среди этого скопления камней, и отыскался занимающий их мысли нелюдимый дайвер. Его белая лодка с красной полосой на борту одиноко покачивалась на волнах. Не волны даже, а так, дыхание моря: лизнуть подножие черного камня, поколебать лохматые ленты водорослей, поднимающиеся из глубины...

Ухватившись за правый борт лодки, Лиза оглянулась по сторонам. Нигде никого. А что ты высматриваешь, интересно знать? Перископ, что ли?

Некоторое время она висела в пронизанной солнцем толще воды, лениво перебирая ногами, и уже думала убираться восвояси, как вдруг вода по левому борту заволновалась, забурилась и выпустила на поверхность пучеглазое чудовище. Вернее, человека, причем довольно привлекательного, как выяснилось впоследствии. Чудовищем его делали маска, трубка и акваланг.

Он вытащил изо рта загубник, снял маску и вежливо проговорил:

– *Il fait beau aujour d'hui*⁸.

Голос хриплый после погружения, но дыхание ровное. Где-то она читала, что такая вот болезненная хрипотца в голосе мужчины завораживает женщину. Может, и так. Но сейчас преобладающим чувством ее была растерянность.

– Извините, – сказала она, продолжая цепляться за борт. – Я просто устала. – И добавила жалобным голосом: – Пожалуйста, говорите по-английски.

– Нет проблем. Вы англичанка? А как вас зовут?

– Лиза. Элизабет. Не англичанка, нет. Я здесь с подругой. Ее зовут Джемма. – (К чему этот поток слов? Он спросил просто из вежливости...) – Она осталась там, на пляже. А вы?..

– Венсан. – Он сделал паузу. – Этого достаточно?

– Вполне.

Разделенные корпусом лодки, они с любопытством разглядывали друг друга.

Этого достаточно?.. Смотря для чего, мой принц. Смотря для чего.

Джемма права, в нем что-то есть. Даже сейчас, когда он болтается за бортом мокрый, как тюлень, с покрасневшими от морской соли глазами. Смуглая от загара шея охвачена золотой цепочкой, горящей на солнце. Длинные волосы зачесаны назад и собраны в хвост.

– А вам не страшно там, внизу? – спросила Лиза.

И тут же обругала себя за глупость. Страшно – не страшно... Что за детский сад?

– Страшно только в первый раз, – ответил он без улыбки. – Потом это проходит.

– Там темно?

– На больших глубинах. Но я стараюсь не уходить на большие глубины, там мало интересного. Мой личный рекорд – шестьдесят метров.

– Ого!

– Да нет, это немного.

Лиза спросила себя, что делать дальше, и поняла, что не знает. Парень ей совершенно не помогал.

– Извините, – сказала она еще раз. – Мне пора.

Он слегка наклонил голову.

– Приятно было познакомиться.

– Мне тоже.

Когда она уже оттолкнулась от лодки и легла на воду, он бросил ей вслед несколько слов на французском языке. Часть из них она не расслышала, а те, что расслышала, не поняла. Ладно, не возвращаться же из-за этого. К тому же она вроде бы намекнула, что предпочитает английский. Будем считать, что он разговаривал сам с собой. И вообще этот Ихтиандр слишком много о себе воображает. Пора уже, в самом деле, выкинуть его из головы. *Этого достаточно?* Вот подлец!

Однако выкинуть подлеца из головы оказалось не так-то просто, и когда она подплывала к берегу, его гортанная французская речь с раскатистым «г» продолжала звучать у нее в ушах.

Джемма с интересом выслушала ее рассказ и воскликнула радостно:

– Дело идет на лад!

– Ты так думаешь?

– Уверена.

– Вот бы мне немного твоей уверенности...

В седьмом часу вечера Мистер Совершенство засобирался домой. Увидев, как он швартуется к причалу, Лиза подпрыгнула и потянула за руку сонно моргающую Джемму.

– Пошли!

– Куда?

⁸ Славная погода сегодня (*франц.*).

– Подойдем поближе к воде.

Ей хотелось, чтобы он увидел их вместе.

И он увидел. Прошелся по пирсу до песчаного берега, повернул голову на звонкий женский смех и наконец-то увидел их у самой кромки воды: высокую, коротко стриженную блондинку с мальчишеской фигурой, а рядом с ней... ох, ну просто сногшибательную знойную брюнетку с агатовыми глазами и телом Анадиомены.

Лиза помахала ему рукой. Он узнал ее и кивнул. Помедлил, очарованный соблазнительным контрастом представших перед ним практически обнаженных тел. Вздыхнул, с усмешкой покачал головой, перекинул сумку с правого плеча на левое и направился к стоянке. Он уже не был мокрым и прошел буквально в двух шагах, так что им наконец удалось его разглядеть. Выгоревшие на солнце мелированные волосы, правильные черты лица...

– Он похож на этого футболиста, – сказала Джемма, – ну, как его... Бэкхем!

– Брось! – фыркнула Лиза, мысленно соглашаясь с ее резолюцией.

– Правда-правда.

Вечер они провели в мечтах о прекрасном ныряльщике, а в десять утра были уже в заливе Антипас. Сидели под зонтиком, не спуская глаз с каменистой тропы, ведущей от автомобильной стоянки к пляжу, и даже не лезли в воду, боясь пропустить его появление.

В конце концов Джемма не выдержала и опрометью кинулась к полосе прибоя, пообещав окунуться по-быстрому и сразу назад. Тут-то он и появился. Тень его легла на песок рядом с Лизиной циновкой, туда же брякнулась сумка, а за сумкой он сам.

– *Bonjour*, – зазвучал знакомый хрипловатый голос. – *Comment a va?*⁹

– Спасибо, неплохо, – откликнулась Лиза, мужественно встретив его взгляд. – Кажется, я просила вас говорить по-английски.

Берилловая зелень его глаз, обрамленных черными загнутыми ресницами, поразила ее даже в большей степени, чем сходство со звездой британского футбола, подмеченное Джеммой. Необыкновенные глаза! Накануне, перебрасываясь с ним дурацкими фразами в живописной бухте, где он играл в Жака-Ива Кусто, она этого не оценила.

– И все же вы меня понимаете.

– Я изучала французский в школе. Но это было так давно!

Его глаза продолжали внимательно, без тени смущения изучать ее: грудь, плечи, бедра... И хотя Лиза отлично знала, что стесняться ей нечего, она чувствовала себя охваченной странным трепетом. Как юная барышня на первом балу.

– Давно? – переспросил он, не спуская глаз с ее лица. – Не может быть.

– Увы.

– В таком случае вы неплохо сохранились.

Она натянуто улыбнулась.

Этот первый момент, фактически предопределяющий развитие ваших дальнейших взаимоотношений... Когда он вроде бы нравится тебе, но ты ничегошеньки о нем не знаешь. Быть может, он способен на убийство. Быть может, на обман. Не исключено, что где-то на материке у него осталась брошенная жена с ребенком, и он уклоняется от уплаты алиментов. Он мог ограбить ювелирный магазин, изнасиловать малолетку... да мало ли что еще!

– *Soit!*¹⁰. – Он встал, отряхнул джинсы и потянулся за сумкой. – Пойду проведаю своих подруг-русалок. Удачного дня!

Выходящая из воды Джемма едва успела крикнуть: «Привет!» (Венсан услышал и помахал в ответ, но даже не подумал вернуться), после чего осталось только стоять и смотреть ему вслед, цедя сквозь зубы смачные итальянские ругательства.

⁹ Здравствуйте. Как дела? Как поживаете? (франц.).

¹⁰ Ладно (франц.).

– Не переживай ты так, – сказала ей Лиза. – Он же сам подошел. Значит, подойдет еще раз.

Джемма вздохнула:

– У мерзавца правильная походка. – Взгляд ее был прикован к его мускулистой заднице, обтянутой джинсовой тканью. – Думаю, он неплохо танцует.

Лиза вздохнула тоже, любуясь уже не Венсаном, а самой Джеммой. Рассерженная, возбужденная, та была чудо как хороша. Капли воды блеснули на округлых загорелых плечах. Мокрый купальник облепил тело, уже не прикрывая, а подчеркивая то, что по идее должен был прикрывать.

– Поцелуй меня, Элиза, – вдруг торопливо прошептала Джемма и заключила Лизу в объятия. – Он смотрит на нас.

– Но...

– Давай же!

Стоя по щиколотку в воде, они целовались, шокируя отдыхающих, а потом услышали, как взревел мотор, и повернули головы, чтобы еще раз взглянуть на знакомую лодку, ракетой уходящую в открытое море.

Пообедать решили в таверне на берегу. То есть не совсем на берегу, чуть выше по склону горы, но береговая линия с веранды просматривалась отлично, так что, уписывая свиную отбивную и салат по-гречески, можно было спокойно наблюдать за перемещением по заливу лодок, катамаранов, надувных матрасов и пловцов. Под потолком жужжали огромные вентиляторы, но в три часа дня это не спасало от жары. Чтобы чувствовать себя человеком, а не выброшенной на берег рыбой, приходилось то и дело промакивать салфеткой лицо и поминутно прикладываться к запотевшей бутылке с ледяной, только что из холодильника, минеральной водой. Лазурное, без единого облачка небо, ласковый шепот волн, головокружительный аромат растущих повсюду островерхих великанов-кипарисов... покой, забвение, безмятежность – о, дивный остров, благословенная Керкира, рай на земле!

– Ой, – вдруг сказала Джемма. И уткнулась в свою тарелку. – Не оглядывайся. Он за твоей спиной.

Лиза замерла с вилкой в руке. Салат вдруг показался ей безвкусным.

– Сел за столик... – вполголоса докладывала Джемма. – Читает меню... ага, заказывает что-то... увидел нас... – Она расплылась в улыбке, всем видом изображая безумный восторг. – Нет, он не собирается присоединиться к нам... полез в карман за сигаретами... сидит и курит, как будто нас здесь нет... вот сволочь!

Покончив со свининой и всем прочим, они малость передохнули и только начали размышлять о десерте, когда отобедавший в гордом одиночестве Венсан подошел и спросил, может ли он предложить дамам кофе. Джемма тотчас оживилась, глаза ее заблестели. Ну да, разумеется, кофе с ликером – это как раз то, что нужно в такую жару...

С почти забытым за последнее время чувством смутения, какое охватывало ее всякий раз при виде интересного мужчины, Лиза следила за тем, как этот клон Дэвида Бэкхема подсаживается к столику, пробегает глазами меню, обращается с вопросом сначала к Джемме, потом к ней (она молча кивает), подзывает официанта... «А дальше, что же дальше?» – спрашивала она себя, с бьющимся сердцем глядя на лица этих двоих. Двусмысленные шуточки, тихий смех, быстрые взгляды из-под ресниц. «Что будет, если сейчас мы примем решение остаться вместе?»

Очнувшись, Лиза услышала, что они говорят об отелях, частных домах и прочем жилье, доступном среднему туристу. Джемма все-таки умудрилась направить беседу в нужное ей русло. Выяснилось, что Венсан снимает комнаты у знакомого фермера из Лиападеса. До моря далековато, но у него есть машина, которую он взял в одной из прокатных контор на побережье, и, поскольку он заранее знал, что она понадобится ему до конца сентября, получилось

фантастически дешево. Да, он намерен пожить здесь некоторое время. У него был чертовски трудный год, и теперь ему требуется передышка.

Пока он говорил, Лиза все пыталась разглядеть, что же у него на цепочке. Крест? Амулет от сглаза? Наконец он опустил руку с сигаретой, откинулся на спинку стула, ворот его рубашки распахнулся, и она увидела – нет, это просто невозможно! – настоящую гностическую гемму с изображенным на ней змеем. Забыв про кофе, Лиза подалась вперед. Да, точно, сомнений быть не может. Змей с двенадцатилучевой короной на львиной голове. Агатодемон средневековых алхимиков.

– Знаете, что это? – спокойно спросил Венсан.

С трудом Лиза заставила себя отвести взгляд.

– Змеевидный демон хтонического плодородия. Демон, дающий силы и здоровье. – Она заметила, что капелька кофе угодила ей на майку и тут же впиталась, оставив коричневое пятнышко. – Дух-покровитель магической процедуры.

На минуту воцарилось молчание. Озадаченная Джемма хмурила брови и нетерпеливо покусывала нижнюю губу. Ей хотелось продолжить разговор об аренде недвижимости, но она боялась спугнуть птичку.

Венсан вернулся к этому вопросу без каких-либо намеков с ее стороны. Комнаты в хозяйском доме – это, конечно, хорошо, но если собираешься провести здесь больше чем две недели, есть смысл поискать более уютное и комфортабельное жилище. Да-да, эти старые особняки на склонах гор... вот бы поселиться в одном из них. Последнее время он только об этом и думает, своего рода *idee fixe*¹¹.

– О! – сказала Джемма, уже не скрывая своего интереса. – Так вы об этом думали. И что же?

– Слишком дорого.

– Для одного – пожалуй. – Она сделала паузу. – А если разделить расходы на троих...

Настал его черед умолкнуть и окинуть испытующим взглядом сначала брюнетку, потом блондинку – что у них на уме?

– Не обязательно давать ответ прямо сейчас, – улыбнулась Джемма. – Мы готовы подождать до завтра.

Венсан побарабанил пальцами по столу. Прищурил глаза, исполненный готовности разоблачить любую ложь, какой безнравственные красотки рискнут попотчевать его.

– А кто вы такие? Чем занимаетесь?

С очаровательной гримаской Джемма пожала плечами:

– Да, в сущности, ничем. Я любовница богатого человека. А это, – она кивком указала на Лизу, – просто мелкая авантюристка, которая развела на деньги своего бывшего мужа.

Плечи Лизы задрожали от сдерживаемого смеха, и она поспешила поставить чашку на стол, чтобы окончательно не погубить свою новую маечку от Moschino.

– Почему вы смеетесь? – удивился Венсан. – Это неправда?

– Правда, правда... – всхлипнула Лиза, утирая глаза. – Истинная правда.

– В таком случае незачем ждать до завтра. Я согласен.

– Bravo! – воскликнула Джемма, выпрямляясь на стуле. – Когда мы начнем?

– Смотреть дома? Да хоть сейчас. – Венсан достал из кармана сотовый телефон. – Я только созвонюсь с одним старым знакомым.

С самого начала они поставили перед собой совершенно конкретную задачу: отыскать не слишком ветхий дом с водопроводом и канализацией, как можно ближе к Палеокастрице. И с помощью агента, которого привлек Венсан, им это вскоре удалось. Собственно, дом, в котором они в итоге поселились, был первым среди предложенных шустрым Костасом, и они

¹¹ Навязчивая идея (франц.).

моментально поняли, что он им подходит, но для очистки совести осмотрели еще пару домов неподалеку от Крини.

Все эти дома венецианского типа, распространенные практически повсеместно в Греции и на островах, были сложены из камня и покрыты черепичной кровлей. Простая планировка, минимум декора. В большинстве случаев на второй этаж можно было попасть только пройдя через первый, однако некоторые дома имели более поздние пристройки в виде каменных лестниц, оканчивающихся крытыми площадками «бонтзо», которые вели в жилые помещения верхнего этажа, а также сообщались с верхними и нижними типично греческими верандами «лиакото» или «илиакос». Эти «илиакос», или «солнечные комнаты», при грамотной планировке позволяли зимнему солнцу беспрепятственно проникать в дом, а летом, когда солнце стоит высоко, образовывали уютные тенистые оазисы.

Ступая по щербатым каменным плитам, дотрагиваясь до нагретых солнцем деревянных перил, Лиза не могла избавиться от грустных мыслей. Она думала о хозяевах этих прекрасных особняков. Когда-то все они числились в списках *Libro d'Oro*¹², а теперь их родовые гербы можно встретить только в архивах музейных библиотек.

– О'кей, – сказал Венсан агенту. – Нам это подходит. Мы готовы внести арендную плату... когда, девочки? Завтра утром.

Так началось их *menage a trois*¹³.

Совместные походы по музеям, рынкам и магазинам; обеды и ужины в самых разных тавернах по всему острову; общий быт с неизбежной стиркой, уборкой, мытьем посуды и прочими радостями жизни (раз в три дня из ближайшей деревни приходила молодая гречанка Афродита, которая мыла полы во всех комнатах, выбивала половики и так далее, но кто-то же должен был ликвидировать бардак, образующийся в промежутках между ее визитами) – все это не то чтобы напрягало, но требовало определенных навыков общения. Скрытной, недоверчивой Лизе, у которой и в Москве-то было не слишком много друзей, пришлось убеждать себя в том, что Корфу – необыкновенный остров, с людьми здесь происходят самые невероятные вещи, и у нее тоже все будет по-другому. Как ни странно, это сработало.

¹² Перечень проживающих на острове знатных венецианских семей, сожженный республиканцами Наполеона Бонапарта.

¹³ Любовный треугольник, жить втроем (*франц.*).

Глава 2

Лежа на плоской, как ладонь, вершине скалы, образующей мыс, Лиза прикрывает лицо соломенной шляпкой и слушает, как внизу, в воде, плещутся и вопят Джемма с Венсаном. Что ж, все получилось. Самый продолжительный отпуск в ее жизни оказался и самым удачным. Итальянская подруга нежна и внимательна, без примеси назойливости. Французский приятель неистов в постели и уравновешен в быту. Интересно, как долго продлится это счастье *au bord de la mer*¹⁴?

– Знаете, что нас спасает? – спросила Джемма в один из теплых, благоуханных вечеров, когда они все вместе сидели на веранде, потягивая Метаксу. – То, что мы ничего не знаем друг о друге. Мы не лгуны, не воры, не тупицы, не интриганы, не трусы, не мошенники... о нет, ни в коем случае, ведь доказательства отсутствуют! Здесь, на Корфу, мы можем быть какими угодно. Мы можем начать все с чистого листа. У нас нет прошлого. Мы невинны.

Тогда Лиза не придавала этому особого значения, однако слова не забылись. Невинновы, невинны... есть разница или нет? Невинны – это что-то ветхозаветное, состояние до грехопадения. А невинновы – скорее термин судопроизводства. Если некто, совершив преступление, умудрился уйти от ответственности и суд присяжных объявил его невинным... Господи, да при чем тут преступление? Что за мысли лезут в голову среди бела дня на берегу Ионического моря?

Чихая и отфыркиваясь, на мыс забирается Джемма, несколько минут отплясывает на горячих камнях, давая солнцу подсушить купальник, а потом с блаженным вздохом вытягивается на циновке рядом с Лизой.

– Ну как? – спрашивает та, не открывая глаз.

– Класс! Хотя мне больше понравилось в Сидари.

– Мы были там уже три раза.

– Ну и что? В Антипасе мы вообще были раз сто или двести.

– Мы же там живем, глупая курица!

– Это я-то глупая курица? – Кипя от негодования, большей частью притворного, Джемма наклоняется над простертой на циновке Лизой и кусает ее за грудь. – У-у, ведьма!

Та испускает пронзительный вопль. Отшвыривает в сторону шляпу и хватается обидчицу за горло.

– Ведьма, да? Ну так не приходи больше к ведьме в постель!

– Ишь какие мы обидчивые!

– Значит, ночью я твоя сладкая девочка, а днем – ведьма?

– Ты же не брезгуешь глупой курицей. Почему я должна брезговать ведьмой?

Взобравшийся на скалу Венсан застаёт их за обычной возней со всякими там шлепками, повизгиваниями и поцелуйчиками, но поскольку здесь нет ничего такого, чего бы он не видел раньше, не обращает на это ровным счетом никакого внимания. Преспокойно раскладывает на полотенце свои трофеи (две витые раковины асфальтово-серого цвета с розовой изнанкой и небольшой кусок рыхлой губки), подбирает с земли отброшенную Лизой шляпу, надвигает на глаза и не спеша подходит к выступающему краю мыса.

Он стоит, поджарый и гибкий, как акробат, с мускулатурой, развитой чуть больше, чем это необходимо для манипуляций с кислородными баллонами. С его длинных волос, собранных в хвост, капает вода. Крепкие ягодички, обтянутые черной эластичной тканью плавок, заставляют женщин на пляже смотреть ему вслед. Он неразговорчив, но и не угрюм. Любит спонтанный секс в любое время суток, симфоническую музыку, сухое красное вино, легкие

¹⁴ У берега моря (франц.).

завтраки, удобную одежду из натуральных тканей, дорогие сигареты и ни к чему не обязывающие отношения. Хорош он или плох? Отзывчив или равнодушен? Можно ли на него положиться? Стоит ли ему доверять?..

Они договорились не задавать друг другу вопросов, надеясь, что отношения, выстроенные на основе слепого доверия, не омраченные ни подозрениями, ни взаимными обязательствами, окажутся более жизнеспособными, нежели их традиционные аналоги. Закрывать глаза и повернуться к прошлому спиной – ведь если его невозможно изменить, следует его попросту игнорировать! В каком-то смысле эта политика себя оправдала. Они все еще вместе. Им не в чем упрекнуть друг друга. Их ничто не связывает – ничто, кроме удовольствий. Райская жизнь.

Однако где есть табу, там будут и попытки его нарушить. Это общеизвестно. И первым нарушителем оказался Венсан, хотя его-то уж никак нельзя было обвинить в чрезмерной болтливости. Однажды вечером он набрался и рассказал о том, как несколько лет назад чуть не угодил на скамью подсудимых по обвинению в убийстве, которого не совершал. К счастью, убийца оказался клиническим идиотом, в полном смысле этого слова, так что его быстро разоблачили и закатали в психушку.

Джемма пришла в ярость: «Мы что, собрались тут рассказывать друг другу страшные истории в духе старины Хичкока?» – но быстро успокоилась и поведала о своем не очень счастливом детстве на Сицилии. Вот, собственно, и все. Один эпизод из жизни женщины, один эпизод из жизни мужчины. Больше воспоминаниям никто не предавался. Невинность... Что ж, похоже, это и в самом деле неплохая идея.

Перегревшись на солнце, Лиза идет купаться. Венсан догоняет ее, на ходу как бы невзначай касается ладонью ягодиц. Легонько стискивает и тут же отпускает. Это намек. Улыбаясь уголками рта, Лиза замедляет шаг, косит на него краем глаза: «Не шутишь, ковбой?»

Нет, он не шутит. В его глазах плещется жидкий огонь, белые зубы обнажены в злодейской усмешке. Он хочет одну из своих женщин и хочет немедленно. Вот только где? Стоя на каменистой тропинке, в том месте, где мыс примыкает к склону горы, они беспомощно озираются, изнемогая от нетерпения. Наконец Венсан хватает ее за руку и тащит по тропе вниз. Теперь и она припоминает: там, среди громадных каменных глыб, есть более-менее укромное местечко.

Его губы... его горячие пальцы, проникающие в самую сердцевину цветка... Она чувствует дрожь своих бедер, когда он входит в нее с легким стоном, и наклоняется еще ниже, цепляясь руками за камни, чтобы не упасть. Оба сгорают от похоти. С обоих ручьями струится пот. В ослепительном свете дня одинокие пловцы имеют возможность издали полюбоваться змеиным танцем их гибких, загорелых тел, в то время как пешим странникам, передвигающимся по берегу, это зрелище недоступно.

Яркий солнечный свет, ленивый плеск волн почти у самых ног, поблескивание слюдяных крапинок в трещинах камней... тяжелое дыхание, ритмичное движение бедер, невнятные возгласы, свидетельствующие о нарастающем возбуждении...

– *C'est un vrai paradis!*¹⁵ – со стоном выдыхает Венсан, добросовестно отвечивая своей подруге несколько шлепков по разгоряченным ягодицам. Для остроты ощущений. – Ты согласна, любовь моя?

– О боже, да, – отвечает Лиза слабым голосом, пробуя представить себя со стороны. Задница смотрит в небо, волосы метут побелевший от морской соли камень. – Да, мой герой. Ты – лучшее, что есть в моей жизни. Не считая той итальянской шлюхи, которая балдеет сейчас на солнышке.

¹⁵ Это настоящий рай! (франц.)

Ночь, как всегда, наступила внезапно, как будто кто-то дернул за волшебный шнурок и выключил свет. Цикады по-прежнему стрекотали, но уже без дневного надрыва. Головокружительный кипарисовый аромат разливался по саду, погружая расположившихся на веранде людей в идиотски-блаженное состояние без единой мысли.

Откинувшись на высокую спинку стула (одного из тех старых деревянных стульев, которые раньше стояли в обеденном зале и при виде которых прослезился бы любой антиквар), Лиза сонно смотрела в крошечную тьму сада, изредка делая маленький глоток из стоящего на столе стакана. Метакса, купленная в московском супермаркете, таком как «Перекрёсток» или «Седьмой континент», – это не та Метакса, которую рассеянно снимаешь с полки в маленьком греческом магазинчике, запикиваешь в пакет вместе с солнцезащитным кремом и картой автомобильных дорог, а потом в течение нескольких дней пропускаешь по глоточку на сон грядущий, пока бутылка не покажет дно и не придет время отправляться за следующей. Лиза улыбнулась и закрыла глаза. Ей, как и остальным, тоже не хотелось ни двигаться, ни думать, ни говорить.

Хотя, может, и стоило бы. Разогнать эту странную эйфорию и подумать о каких-нибудь важных и серьезных вещах, например, о возвращении домой (рано или поздно придется же это сделать, правда?), о предстоящей покупке скромной однокомнатной квартиры где-нибудь в Южном Бутово (не все же сидеть на голове у родителей), об устройстве на работу, об этом новом, нарисовавшемся перед самым отъездом, поклоннике с непонятным социальным статусом. Об **ОЧЕНЬ** серьезных вещах – о да!..

Или уж не морочить себе голову, сделать еще глоточек, посмотреть на заласканную средиземноморским солнцем женщину с медовой кожей и волосами цвета ночи, на мужчину, стройного и элегантного, чей взгляд способен растопить даже самое ледяное сердце... Посмотреть повнимательнее и запомнить их навсегда. Вот такими – прекрасными и безмятежными, как боги.

Венсан сидит, повернувшись боком к круглому пластиковому столику, положив ногу на ногу, левой рукой небрежно придерживая стоящий на колене стакан. Он выглядит счастливым и умиротворенным, как праведник, чьи молитвы были услышаны. В правой руке, локоть которой лежит на краю стола, дымится сигарета.

Джемма отрешенно смотрит на книгу, лежащую перед ней просто в качестве предмета, дополняющего натюрморт. Бутылка бренди, стакан, пепельница, книга. Досуг богемы. Впрочем, богемную жизнь, как правило, сопровождает нищета...

– Джемма, любовь моя! – Венсан потянулся к бутылке. – Еще глоточек?

Та глубоко вздохнула, как человек, пробуждающийся от сна.

– Да, пожалуй. – И повернулась к Лизе: – Тебе тоже?.. О господи, Венсан, ты только посмотри: эта швабра уже пьяная в стельку!

– Я не пьяная! – запротестовала Лиза. – Я не...

И тут в кармане у нее зазвонил телефон. При тусклом свете садового фонаря, вокруг которого плясали мошки, Лиза взглянула на дисплей, и ей стало худо. «Вот опять... Что ему нужно? Прошло два года. За два года можно было уже десять раз жениться или хотя бы найти себе подходящую даму сердца... новую дуру, которая согласилась бы терпеть все его закидоны... После того как я оказалась самой жуткой стервой из всех, каких ему когда-либо доводилось встречать, **КАКОГО ЧЕРТА ЕМУ ОТ МЕНЯ НУЖНО?**»

Прищурившись, Джемма внимательно наблюдала за тем, как Лиза борется с желанием расколотить свой мобильник о каменную стену дома. Венсан как ни в чем не бывало разливал напитки. Наконец трезвон прекратился.

– Почему двенадцать? – шепотом спросила Лиза, глядя на свой наполненный на четверть стакан.

– Что? – удивился Венсан.

– Почему голова змея на гностических геммах увенчана двенадцатилучевой короной?

– Ну, это своего рода традиция, – ответил он неторопливо, краем глаза поглядывая на лежащую перед Лизой трубку, – двенадцать апостолов, двенадцать знаков Зодиака... У манихеев Спаситель создает космическое колесо с двенадцатью бадьями для подъема душ на небеса. – Он смолк на мгновение, чтобы прикурить, после чего продолжил: – По словам Герхарда Дорна, ученика Парацельса, колесо творения поднимается из *prima materia*¹⁶ и затем переходит к простым элементам. Сэр Джордж Рипли, каноник Бридлингтонский, говорит, что колесо движется благодаря четырем временам года, и связывает этот символ с *peregrinatio*¹⁷... если я ничего не путаю. Колесо напоминает движение Солнца по небу и практически повсеместно отождествляется с солнечным героем, который претерпевает труды и муки, как Геракл, или заточение и расчленение, как Осирис.

Телефонный звонок заставил всех троих вздрогнуть, хотя если вдуматься, что ужасного в телефонном звонке? У каждого может зазвонить телефон. Телефоны для того и существуют, чтоб звонить... Чушь! Все трое уже знали, что ЭТОТ звонок не предвещает ничего хорошего.

– Черт! – простонала Лиза, кусая губы, когда проклятая штуковина наконец заткнулась.

– В следующий раз я могу поговорить с ним, если хочешь, – предложила Джемма.

Лиза устала на нее, не веря своим ушам. А как же неписаное правило? Нет прошлого – нет проблем.

– Ты знаешь, кто это?

– Твой бывший муж. – Джемма нервно усмехнулась. – Разве нет?

Ответить она не успела. Сидящий вполборота Венсан бросил на нее быстрый предостерегающий взгляд, и охота язвить пропала сама собой. Предостерегающий – не совсем точно. Во взгляде этом было столько всего, что невольно возникал вопрос: почему незначительное и в общем-то не затрагивающее его напрямую происшествие вызвало у него такой всплеск эмоций? Сочувствие, любопытство, тревога... Чего он опасался? Того, что в сердцах Лиза позволит себе какое-нибудь презрительное высказывание в адрес своего бывшего мужа, и это будет как плевок в сторону всех на свете бывших мужей? Это наводит на размышления. Ему тридцать пять лет, и теоретически он вполне может быть чьим-то бывшим мужем. А дети? Может, у него и дети есть?

Почти не отдавая себе отчета в своих действиях, Лиза встала и медленно спустилась по ступеням в сад. Ее окутал бархатистый мрак. Мелкие камешки поскрипывали под резиновыми подошвами спортивных тапочек, ветви олив тянулись к горящему от волнения лицу.

– Не вздумай заявиться сюда, козел! – процедила она сквозь зубы, обращая взгляд на восток, в сторону материка. – Держись от меня подальше, понял?

В траве копошились мыши и прочая мелкая живность. Из чащи леса доносилось уханье сов. Постояв у калитки, Лиза двинулась в обратную сторону.

Спокойствие, только спокойствие. Наверяд ли после стольких лет непрерывной борьбы... сколько, кстати? Четыре года в браке, да еще два после развода... а целый год ухаживаний, когда от звонков и незапланированных визитов было просто некуда деваться – его считать или не считать?... так вот, после всех этих лет, когда по будням вы пытались установить, кто из вас лучший специалист по части мелких пакостей и необоснованных придинок, а по праздникам не упускали случая порадовать друг друга импровизированным скандалом, очередной грязной выходкой, особо утонченной местью и так далее, неужели ему придет в голову тащиться через всю Европу, только чтобы сообщить тебе, что, несмотря на все эти мелкие житейские неурядицы, ты была и остаешься женщиной его мечты?..

¹⁶ Первичная материя (лат.).

¹⁷ Странствие, путешествие (лат.).

– Тебе пришла эсмэска, – сказал Венсан, кивком указывая на ее телефон, сиротливо лежащий на краю стола.

Лиза взяла трубку в руки, повернулась к свету и прочла: «Скоро увидимся». Ее бросило в жар. По всему телу разбежались мурашки.

Господи, да когда же я от тебя избавлюсь, сукин ты сын?!

– Там есть что-то такое, о чем нам следует знать? – мягко осведомился Венсан.

Что ж, имеет право. Ведь если этот паразит действительно объявится (речь не о том, насколько это правдоподобно), он испортит жизнь всем троим.

Она принужденно улыбнулась:

– Кажется, мой бывший муж собирается навестить меня в солнечной Греции.

Кашлянув, Венсан покосился на Джемму. А та в это же самое время – на него. По тому, какими взглядами они обменялись, Лиза догадалась, что в ее отсутствие они говорили о ней.

– Что он пишет?

– «Скоро увидимся». Больше ничего.

– Возможно, он имеет в виду вашу скорую встречу в Москве. Он же не может знать, что ты вернешься только в октябре. До недавнего времени ты сама этого не знала.

– Недавно мне позвонила подруга и предупредила, что он собирается в Афины на пару недель. Я подумала: ну и что? Он будет на материке, а я здесь...

– А он знает, что ты здесь?

– Понятия не имею. Может, и знает.

– Откуда?

– Мы прожили в браке четыре года. У нас остались общие знакомые. Да и вообще, как ни шифруйся, какая-то утечка информации всегда имеет место.

– Он на это способен? – поинтересовался Венсан. – Явиться сюда без приглашения?

– Еще как способен. Он большой любитель подобных сюрпризов. В особенности когда дело касается меня.

Они опять переглянулись. Джемма еле заметно пожала плечами: «Я же тебе говорила...»

– А он собирался в Афины по работе или так, в отпуск?

– Конечно, в отпуск. Его работа не имеет к Греции никакого отношения.

– Ага... Значит, ожидать его появления можно в любой день, не только в выходные. Сел на паром, и через несколько часов ты уже в Керкире. Что может быть проще?

– Хоть бы он затонул, этот паром! – в запальчивости воскликнула Лиза, совершенно не думая о своем желании как о чем-то реально осуществимом. – И Макс вместе с ним.

– Ты правда этого хочешь? – Венсан заинтересованно смотрел на нее из клубов табачного дыма.

– Да, хочу! – повторила она упрямо. – Правда, жаль тех ни в чем не повинных людей, которые окажутся в тот же день на том же самом пароме... И все равно хочу. Это плохо? Хочу, чтобы он отправился на корм рыбам.

– Ни в чем не повинных... – задумчиво повторил Венсан. И машинально стряхнул пепел с сигареты. – Таких же невинных, как мы?

После этого некоторое время было тихо.

Что там с ним снова стряслось, с этим несчастным кретином? – недоумевала Лиза. – Что заставило его вспомнить обо мне?.. Расстался со своей Галочкой?

Лиза видела ее один раз уже после развода. Крашеная блондинка (ну разумеется!) с плоской, невыразительной задницей и блеклым, хотя и не безнадежным, лицом. Неужели она его бросила? Нет, это невозможно, женщина с такой внешностью не способна ни завладеть мужчиной, ни отделаться от него. Полный пассив. Так, значит, он бросил ее? В таком случае чего же он ждет от женщины? Уж эта-то в отличие от предыдущей (то есть от нее, Лизы) буквально по струнке ходила, в рот ему смотрела – и что? Ох, да какая разница? Плевать на эту Галочку,

модницу мытищинскую с вечной ниткой дешевого китайского жемчуга вокруг шеи... плевать на все на свете теории психологической совместимости... Главное, что он снова вступил в маниакальную стадию своего хронического заболевания. А музой его чудовищной мании на протяжении долгих-долгих лет являлась она, Лиза. Господь, помилуй наши души!

Она потянулась за стаканом и заметила, что Венсан украдкой следит за ней.

– Расслабься, *chere*. Никто пока не покушается на твой гарем.

Тот усмехнулся краем рта, и усмешка получилась довольно-таки зловещей. В который раз Лиза подумала о том, что ни ей, ни Джемме, в сущности, ничего не известно об этом парне. Кроме того, что он знает толк в наслаждении и не считает плотские утехи чем-то грязным, чем-то недостойным. Чем-то, что нужно делать второпях, под покровом тьмы. До сегодняшнего дня этого было вполне достаточно.

До сегодняшнего дня. А что случилось сегодня?

– Что он собой представляет, твой Макс?

Лиза передернула плечами:

– Настырный зануда.

– Только и всего? – Он зевнул, смял окуроч в пепельнице. – *Soit, mes petites*¹⁸, не пора ли нам в постельку?

– Пора, пора, – радостно закивала Джемма.

– А кто из вас сегодня будет рассказывать мне вечернюю сказку?

– Мы обе, разумеется!

Венсан выпрямился во весь рост, закинул руки за голову и потянулся с грацией балетного танцора. Рубашка, которую он застегивал только за обедом, распахнулась, обнажив загорелую грудь и плоские мышцы живота.

– *Quelle vie! C'est fantastique!*¹⁹

Привстав со стула, Джемма со смехом подергала его за пояс джинсов.

– Элиза, тебе не кажется, что он похудел? Штаны-то, того и гляди, свалются. Бедняжка! Мы с тобой совсем его заездили.

– Ремешок потуже затянуть, и все дела.

– Худой или не худой, заезженный или не заезженный, – одним глотком Венсан прикончил содержимое своего стакана и сделал шаг назад, не забыв подхватить штаны, – но в ванную я иду первым.

– Можно ли зайти потереть тебе спинку? – промурлыкала Джемма.

– Ни в коем случае! – ответил он сурово. – Есть места, где человеку следует пребывать в одиночестве. Наедине с господом богом, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Свинья, – удрученно заметила Джемма. – Ну погоди, ты за это заплатишь!

Он одарил ее лучезарной улыбкой:

– Аминь!

– Эй, ну сколько можно?! – кричит, потеряв терпение, Джемма. – За то время, что ты проводишь в ванной, мы с Элизой успеваем подарить друг другу по три оргазма!

– Так это же хорошо! – отзывается из-за двери Венсан.

Воду он уже выключил и, кажется, приступил к процедуре растирания своего тощего тела махровым полотенцем.

– Чем ты там вообще занимаешься?

– А ты как думаешь?

– Ей-богу, я начинаю подозревать самое худшее.

¹⁸ Ладно, мои крошки (*франц.*).

¹⁹ Какая жизнь! Фантастика! (*франц.*)

Лиза слушает их, закрыв глаза, расслабленно лежа на разбросанных по полу подушках. Эта вечерняя перебранка доставляет ей ни с чем не сравнимое удовольствие, потому что, повторяясь изо дня в день, точнее, из ночи в ночь, служит своеобразной прелюдией к сексу.

Пол застелен толстым джутовым ковром ручной работы. Он преимущественно бордовый, но толстые, похожие на валики нити окрашены неравномерно, и в их окраске, помимо основного цвета, присутствуют также бежевый и коричневый. Очень красивый ковер. «Когда-нибудь, вот увидишь, он снова сможет заниматься этим в постели, – сказала однажды Джемма, после того как Венсан повторил все двенадцать подвигов Геракла и удалился в душ. – Мы ему поможем». Ну а пока... пока приходилось довольствоваться креслами, кушетками, столами и всевозможными укромными местечками на лоне природы, куда обаятельный хулиган мог увлечь одну из них или обеих сразу в любое время суток.

Прошлепав босыми ногами по коридору, Венсан переступает порог спальни, сбрасывает полотенце, которым зачем-то обернул свои стройные бедра, и заползает на ковер.

– *Princesse, a vos ordres*²⁰.

– Ну, наконец-то, – вздыхает Джемма, протягивая к нему обе руки.

Волосы ее распущены, губки полуоткрыты, на лбу горит неоновая вывеска: «ВОЗЬМИ МЕНЯ!» И вот в то время как она томится и благоухает, как целый розарий, этот негодяй решает выкурить сигаретку. Джемма вне себя. Ее острые ноготки рвут в клочья кожу на его мускулистом плече, заставляя его щурить уголки глаз и тихонько шипеть сквозь стиснутые зубы.

– Вы обе просто фурии какие-то, честное слово. С кем вы раньше-то имели дело? Ну, раньше, в прошлой жизни... Кто вас так рассердил?

– Известно кто. Твои братья-мужчины.

– О нет, не продолжай. – Наморщив нос, он умышленно выдыхает дым прямо Джемме в лицо. – Вся эта чушь про войну полов... Я это ненавижу. *Merde!*²¹

– Ах так?

В ярости Джемма выхватывает у него сигарету, несколько секунд пристально смотрит ему в глаза, после чего вдавливая горящий, дымящийся кончик в его запястье. С коротким стоном Венсан падает лицом в подушку и замирает, почти бездыханный. На его руке, которую он даже не попытался отдернуть, расцветает багровое пятно ожога.

– Бог ты мой! – слышит Лиза свой собственный голос, охрипший от возбуждения. – Тебе не кажется, что это чересчур?

Отбросив погасшую, изломанную сигарету, Джемма склоняется над сжатой в кулак рукой Венсана и, что-то нашептывая себе под нос, дует на больное место. Потом осторожно целует. Сейчас она – само раскаяние. Готова на любые жертвы, лишь бы господин и повелитель не лишил ее своей благосклонности. Смиренная, покорная... И только когда она на минутку поднимает голову и подмигивает Лизе, та убеждается, что ничего случайного в ее поступках не было и нет.

Наконец Венсан отрывается от подушки, и обе видят, что он не злится, а смеется.

– Чертовы шлюхи! Но я, наверное, тоже малость *detraques*²², раз играю тут с вами в ваши дурацкие игры.

С тем же разбойничьим смехом он хватается за шею и целует с жадностью захватчика сначала Лизу, а потом, *pour éviter des jalousies*²³, Джемму. Опрокидывает их на измятые подушки, а сам устраивается между ними, чтоб было удобно тискать обеих сразу. Он отличный любовник,

²⁰ Принцесса, я к вашим услугам (франц.).

²¹ Дерьмо! (франц.)

²² Тронутый (франц.).

²³ Во избежание ревности (франц.).

неутомимый и изобретательный. А чтобы какая-то выходка, чужая или собственная, привела его в смущение – об этом можно даже и не мечтать. Смущение? Робость? Боже упаси!.. Все свои сексуальные фантазии он немедленно воплощает в жизнь, сожалея только об одном: не всегда удается придумать что-то новенькое. Все-таки этому полезному искусству уже не одна тысяча лет.

– О боже, боже... – стонет Джемма, сплетая свои горячие пальцы с пальцами Лизы. – Что он со мной делает, мерзавец... он сводит меня с ума... боже...

Любуясь ее извивающимся по-кошачьи телом, Лиза вспоминает тот день, когда Венсан впервые был допущен к нему (к этому роскошному, щедрому телу, созданному специально для любви), досыта наслаждался им, а заодно и телом Лизы. Он только хотел спросить, куда они засунули его пляжное полотенце, вошел без стука и застыл как вкопанный. Его ввела в заблуждение распахнутая настежь дверь. Ему и в голову не могло прийти, что две женщины способны ласкать друг друга с такой головокружительной страстью, да еще при сорокаградусной жаре, да еще при открытых дверях.

Какое-то время он просто стоял столбом, не в силах отвести глаз. Да и что он мог подделать? Кашлянуть, чтобы привлечь к себе внимание? Пробормотать «извините»? Черт, ну и дела!.. После мучительных колебаний он принял решение бесшумно удалиться, как поступил бы на его месте всякий порядочный человек, но его собственные ноги отказывались ему повиноваться. Он стоял на пороге, почти не дыша. Стоял и смотрел, как мальчишка, как школьник, пока одна из прекрасных обнаженных женщин не повернула голову и не встретила его взгляд.

Минуту они молча смотрели друг на друга. Затем стройная, как топ-модель, блондинка улыбнулась призывно, провела язычком по верхней губе и чуть заметно кивнула: можно... Во всяком случае, так рассказывал об этом сам Венсан. Вторая, полногрудая брюнетка, тоже увидела его и приподнялась на постели. Переглянулась с блондинкой. Слегка изменила позу: повернулась боком, чтобы стоящему в дверях Венсану стали видны ее тяжелые ягодички, все в красных пятнах от щипков и шлепков, которыми награждала ее разыгравшаяся подруга. Почему-то это особенно подействовало на него. Почти не соображая, он шагнул вперед... потом еще...

Шаг за шагом он приближался к кровати, на ходу стаскивая с себя одежду. Они поджидали его, продолжая лениво играть друг с другом. В их взглядах сквозило презрение. Да-да! Эти наглые молодые сучки взирали на него с чувством превосходства, точно две могущественные богини на жалкого смертного. Неужто он всерьез намерен присоединиться к ним? Неслыханная дерзость!

– Вижу, ты уже готов, *mon chere*, – промолвила блондинка с гортанным смешком (до ужаса вульгарным, от которого его затрясло). – Ты в самом деле этого хочешь? Уверен? Смотри, как бы тебе не пожалеть о своем легкомыслии. Мы вовсе не добрые девочки, как ты, возможно, полагаешь. Мы можем замучить тебя до смерти.

Он ответил ей пристальным взглядом:

– *On verra*²⁴.

И начал сбрасывать на пол подушки и одеяла.

– В чем дело? – изумились богини.

– Я не могу заниматься любовью в постели. В постели я могу только спать.

К этому моменту его манеры потомственного аристократа уже начали понемногу раздражать и Лизу, и Джемму. Эта неизменная вежливость, эта неприступность... Они прожили под одной крышей уже целых четыре дня, и он ни разу (подумать только!) не попытался забраться к ним в постель. Ни к одной, ни к другой, не говоря уж про обеих сразу. А еще француз!

²⁴ Посмотрим (*франц.*).

Соотечественник Руссо, Бальзака, Мопассана и маркиза де Сада. Им захотелось поразить его своим распутством. Заставить его осознать, каким он был дураком. Уязвить, заинтриговать.

Все получилось. Парень был сражен, заинтригован... и обрадован. Оказывается, он давно мечтал о подруге (а тут целых две – вот уж повезло так повезло!), с которой можно на время забыть о том, что ты цивилизованный человек, обремененный всякими там правилами и нормами морали.

Единственное правило – не задавать вопросов. Он и не задавал. До поры до времени.

Глава 3

Сидя на одной из скамеек в тенистом саду Ахиллеона, Лиза в бешенстве смотрела на телефонную трубку, которую держала в руке, и мысленно спрашивала себя, когда же ему надоест. Когда, когда наконец этому паразиту надоест названивать ей каждые полчаса, заранее зная, что она не ответит?

Джемма с Венсаном осматривали перистиль муз. Бродили от одной статуи к другой, обменивались впечатлениями и старались не обращать внимания на мрачную как туча Лизу. С самого утра она капризничала. Венсан прозевал кофе, и он получился с горчинкой. Творог был слишком жирным, да и вообще сколько можно, творог да творог, не пора ли перейти на яичницу?.. Наконец с завтраком было покончено, и после непродолжительной дискуссии вся компания, включая недовольную Лизу, двинулась на юго-восток. В машине она вела себя ничуть не лучше. Ей было жарко, неудобно, болела голова. К тому же она не выспалась, что тоже не лучшим образом сказывалось на ее настроении.

Сворачивая на горную дорогу, ведущую к Ахиллеону, Венсан даже рывкнул на нее, за что немедленно получил подзатыльник от сидящей рядом Джеммы.

- Слушай, у нее что, месячные?
- Как будто сам не знаешь!
- Не знаю. Еще вчера ничего не было. Но вас разве разберешь...
- Заткнись и следи за дорогой, – посоветовала Джемма.
- Да мы уже на месте.
- Вот и славно.

Налюбовавшись на интерьеры дворца, они вышли на улицу, повернули налево, совершили короткое восхождение по лестнице, украшенной мраморными изваяниями Афродиты и Артемиды (внизу), Гермеса и Аполлона (наверху), и оказались в знаменитых садах Ахиллеона, планировкой которых, как принято считать, занималась сама владелица, королева Австро-Венгрии Елизавета. Божественная Сиси, убитая в Женеве чокнутым Луиджи Лукени, убежденным, что именно так должен поступать всякий настоящий патриот. Жалкий глупец! Учинив расправу над прекрасной женщиной, он не спас ни себя, ни свою страну.

Тут-то и раздался первый звонок. Первый за сегодняшний день. Лиза выхватила из сумочки мобильник, злобно уставилась на дисплей. Ну точно, он. Интересно, он уже в Афинах или еще в Москве? Когда звонила Наташка? Неделью назад?.. Две?.. Вот бы вспомнить. Господи боже, но если он действительно в отпуске, если у него есть время и деньги, неужели же он не может найти себе более интересное занятие, чем без конца названивать бывшей жене? Афины – чудесный город. Парфенон и все такое...

- Опять он? – спросил Венсан, глядя на нее в упор.
- Джемма отошла в сторону, чтобы не слышать, как он в который раз нарушает запрет.
- Кто «он»? – Лиза изобразила непонимание.
- Настырный зануда.

Она посмотрела в сторону. Туда, где на фоне темной зелени кипарисов и пальм мерцала мраморной белизной статуя Раненого Ахилла. Раньше она находилась в верхнем ярусе садово-паркового комплекса, доминирующего над всей окружающей местностью, но германский кайзер Вильгельм II, который стал следующим после Елизаветы владельцем поместья, приказал перенести статую в глубь сада, а на ее месте установил другую, больше соответствующую его тогдашнему мировосприятию. Так на месте Раненого Ахилла появился Ахилл Победоносный.

О чем это мы?.. Ах, да. Настырный зануда, который вдруг ни с того ни с сего решил напомнить о себе. Настырный зануда – и только. Раньше она находила для него больше слов.

Лиза мельком глянула на застывшего в ожидании Венсана. Ему-то какое дело? Благополучный сынок благополучных родителей. Подумаешь, попал разок в переделку. Теперь в кровати только спит, а трахается где попало: на полу, под кустом... Но по большому счету у него все в порядке, в этом можно не сомневаться.

– Он самый.

– Почему ты не хочешь поговорить с ним? Может быть, он просто хочет что-то уточнить. Чей-то номер телефона или e-mail...

– Слушай, смени пластинку.

Он подошел, встал рядом, облокотился на каменный парапет. Сверху, со склона холма, открывался сказочный вид на побережье и синеющую вдалеке вершину горы Пантократор.

– Тебе понравился дворец? Ее звали так же, как и тебя, эту милейшую королеву, – Элизабет.

Повернув голову, Венсан разглядывал ее сквозь стекла солнцезащитных очков. Их лица были совсем рядом, но из-за того, что Лиза не видела его глаз, ей было трудно понять, о чем он думает.

– Надеюсь, меня не зарежет никакой сумасшедший итальянец, – сказала она наконец, чтобы сказать хоть что-то.

– Сейчас тебя может зарезать только сумасшедший француз.

– Заранее трепещу.

– И все же, – повторил он с нажимом, – почему ты отказываешься говорить с ним?

– О господи, Венсан... – поморщилась Лиза. – Ты ничего не знаешь.

– Так расскажи мне.

– А ты уверен, что хочешь знать?

Он издал короткий стон и полез в карман за сигаретами. Лиза уже решила, что после этих слов у него пропало всякое желание разговаривать с ней, но нет! Прикурив, он снял очки, зацепил за ворот своей хлопчатобумажной футболки и снова уставился на нее, щурясь от солнца. С тем непередаваемым выражением насмешливого сочувствия, которое вечно заставляло ее чувствовать себя дурочкой.

– Бедняжка! Как же тебя, должно быть, достали эти грязные скоты мужчины, если ты уже не способна общаться по-человечески ни с одним из них! Даже со мной! А ведь я не сделал тебе ничего плохого. Более того, до сегодняшнего дня я не сделал ничего такого, что бы тебе не понравилось. Скажешь, я не прав?

Лиза вздохнула:

– Прав, конечно. И я вовсе не хотела тебя обидеть. Но мы же договаривались...

– Я помню, о чем мы договаривались, – сердито перебил Венсан. – Долой проблемы, долой прошлое! Поверь, меня это тоже вполне устраивало, и, может быть, даже больше, чем вас обеих. Но теперь, когда твое прошлое то и дело заявляет о себе и даже в каком-то смысле представляет угрозу для нашего спокойствия...

– Вот оно что! – холодно усмехнулась Лиза.

Венсан посмотрел ей прямо в глаза.

– Ты нарочно стараешься меня разозлить, да? Чтобы я плюнул и отстал от тебя? – Он улыбнулся, скрипнув зубами. – Но я не отстану.

– Что же ты сделаешь?

– Скажи наконец, почему ты не отвечаешь на звонки? Пусть этот человек тебе неприятен, пусть вы расстались не по-хорошему, а по-плохому, но не укусит же он тебя, в конце концов! Во всяком случае, по телефону. Почему ты ведешь себя, как... – он развел руками, демонстрируя полнейшее замешательство, – как испуганный ребенок?

Ее передернуло. Проклятый француз попал в самую точку.

– Послушай, Элизабет. – Венсан взял ее за руку. – Послушай меня.

– Почему? – Она вырвалась и отступила на шаг, чувствуя дрожь и сухость во рту. – Почему я должна тебя слушать?

– Потому что я сплю с тобой уже целый месяц, – вспыхнул Венсан, – вот почему! По-моему, это ничего не значит?

На них уже оглядывались. Лиза поспешила отойти в сторону. Венсан шел за ней по пятам. Они вернулись к перистиллю муз, немного покружили там, делая вид, что высматривают Джемму, потом углубились в сад и остановились перед статуей Фрины. Здесь было сумрачно из-за густой растительности и совершенно безлюдно.

– *A quoi bon continuer?*²⁵ – процедил Венсан.

Было во всем этом что-то до боли знакомое. Что-то, о чем она изо всех сил старалась забыть.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты перестала валять дурака и объяснила мне, что происходит.

Глядя на мраморную Фрину, Лиза припомнила историю о том, как знаменитая куртизанка, чья несравненная красота на долгие годы сделала ее любимой моделью скульптора Праксителя, однажды предстала перед судом и в ожидании приговора внезапно сбросила с себя все одежды. Этот поступок спас ей жизнь. Пораженным судьям, которые, несмотря ни на что, все же продолжали оставаться мужчинами, не хватило духу огласить приговор.

Объяснить ему, что происходит... Слишком многое пришлось бы объяснять. А если учесть, что некоторые вещи она до сих пор не в состоянии объяснить даже себе самой... нет, это безнадежная затея. Абсолютно безнадежная. Лучше всего отключить телефон на несколько дней. Расслабиться. Вести себя нормально. Даже если этот ублюдок появится на острове, навряд ли ему удастся ее разыскать. Официально дом снимает Венсан, все документы оформлены на его имя. Как он будет действовать? А если все же...

Задумавшись, Лиза перестала следить за Венсаном, и он воспользовался этим, чтобы заключить ее в объятия. У нее аж в глазах потемнело. Ничего себе интеллигент! Уворачиваясь от его жарких губ, шепчущих какие-то бестолковые, успокоительные слова, она почувствовала, что впадает в панику, и пронзительно завизжала.

Венсан оторопел.

– Что с тобой?

Глядя на него со страхом и отвращением, Лиза сделала шаг назад. Оступилась. Выронила пластиковую бутылку с остатками минеральной воды.

– Что случилось? – повторил Венсан. Неподдельный ужас в ее глазах совершенно обескуражил его. Он не понимал, что на нее нашло, и потому не мог придумать, что же делать дальше. – Я напугал тебя? Но я не хотел, правда. – Он всмотрелся в ее лицо. – Эй, ты меня узнаешь? Я только хотел...

– Не прикасайся к ней! – Вынырнувшая невеста откуда Джемма налетела на него, как обезумевшая насадка. – Ты, животное!

Оттолкнула его обеими руками, вынудив попятиться. Ударил кулаком в грудь.

– Черт, да вы что, взбесились, что ли?! – воскликнул он, приходя в отчаяние. – Вы обе!

– Отойди! – вопила разъяренная итальянка. – Отстань от нее, понял?!

– Уже отстал!

– Что ты с ней сделал?!

– Да ничего! Мы просто разговаривали!

– Разговаривали? Тогда почему она плачет?

– А она плачет?

Прекратив орать, они повернулись и дружно уставились на Лизу.

²⁵ Итак, продолжим? (франц.)

Действительно, по щекам ее текли слезы. Жгучие слезы, от которых, как в детстве, краснеют глаза и хлюпает в носу.

– Ох... не обращайтесь внимания. – Ей стало неловко. Трясущейся рукой она полезла в сумочку за носовым платком. – Это... просто нервы. Сейчас пройдет.

Минут пять было тихо. Все понемногу приходили в себя. Лиза сосредоточенно терла глаза углом платочка, изредка шмыгая носом. Венсан курил сигарету, стараясь не смотреть в ее сторону. Джемма дожидалась момента, когда можно будет подойти и окружить ее вниманием и заботой.

Наконец ей удалось справиться с собой. Засунув мокрый насквозь платок обратно в сумку, она посмотрела на своих друзей и жалобно улыбнулась:

– Извините.

Джемма тут же кинулась к ней с распростертыми объятиями.

– Элиза, милая... Все в порядке?

– Да-да, все прошло.

– Что бы ни случилось, ты не должна так себя изводить.

– Все в порядке, – повторила Лиза устало. Теперь ей приходилось оправдываться. – Думаю, это от жары. Хорошо бы найти лавочку где-нибудь под деревом и посидеть немного.

– Сейчас найдем, – радостно согласилась Джемма. – Здесь полным-полно лавочек под деревьями. – И добавила, бросив уничтожающий взгляд на Венсана: – Господи, до чего я ненавижу мужчин!

– Я заметил, – отозвался тот с сарказмом. – Вот бы узнать за что.

– За что? Ты еще спрашиваешь! Вы все ведете себя так, будто женщина – это товар!

– Может быть. Но ты упускаешь из виду одну маленькую деталь: некоторым женщинам нравится быть товаром.

Чтобы пламя пожара не вспыхнуло с новой силой, Лиза поспешно расцеловала обоих, подхватила под руки и увлекла к лестнице, ведущей в нижние ярусы сада.

Этой ночью Венсан к ним не пришел. Звонков тоже больше не было. Лежа под тонкой простыней рядом со свернувшейся калачиком Джеммой, Лиза смотрела в потолок и старалась не прислушиваться к звукам, время от времени доносящимся из соседней спальни. Поскрипывание пружин матраса (каркас кровати сменили, но спинки остались прежними: тяжелыми, резными, из потемневшего от времени полированного дерева) – вертится с боку на бок? Осторожные шаги по брошенному на каменные плитки пола коврику – решил выйти на балкон покурить? Хриплый кашель – господи, не хватало только, чтобы он простудился!

А с чего бы ей переживать по этому поводу? Да и по любому другому тоже. Парень хорош в постели, это факт, но... Секс – не повод для знакомства. Так, кажется, рассуждает современная молодежь. Правда, в тридцать два года мыслить подобными штампами уже несколько смешно, и все же, когда начинаешь думать о мужчине больше двух минут кряду, это что-нибудь да значит, не так ли?

Как он смотрел на нее в садах Ахиллеона... Неотрывный, щемящий взгляд, как у того актера из фильма «Английский пациент». А лавина вопросов вечером на веранде: «Ведь ты его больше не любишь, нет?» – «Я никогда его не любила». – «Зачем же ты вышла за него замуж?» – «По разным причинам». – «Но ты по крайней мере получала удовольствие в постели?» – «Конечно. В эти минуты я всегда представляла, что со мной не он, а кто-то другой. Для женщины, знаешь ли, это не проблема».

Потом к ним присоединилась Джемма, и тому пришлось сменить. На этот раз Лиза и сама до конца не разобралась, обрадовало ее это или огорчило. С кем ей доводилось обсуждать подобные дела? С подругой? Да, пожалуй. С женщиной, но не с мужчиной. С мужчиной – никогда.

– Если бы тебе предложили исполнение любого желания, вплоть до самого невероятного, что бы ты пожелал? – спросила Джемма, когда Венсан уже не ждал от них никакого подвоха.

Вино было выпито, пепельница полна окурков.

– Ну-у... – протянул он, тщетно пытаясь заставить свою голову соображать.

Джемма решила сформулировать вопрос иначе:

– Какую участь ты бы для себя избрал? Преуспевающего бизнесмена?

– О нет!

– Знаменитого артиста? Видного политического деятеля?

– Ты с ума сошла! – расхохотался Венсан.

– Тогда скажи сам.

Он немного подумал.

– Участь Тиресия, быть может.

– Тиресий? – Джемма нахмурилась. – Кто это?

Венсан посмотрел на Лизу:

– А ты знаешь?

– Ну, примерно... Сын какой-то греческой нимфы. Не помню, чем она знаменита.

– Сын нимфы Харикло. Миф о Тиресии – один из самых древних греческих мифов. Согласно одной из его версий, Тиресий, увидев спаривающихся змей, ударил их палкой, за что был превращен в женщину. Он стал мужчиной лишь спустя семь лет, когда вновь увидел спаривающихся змей и вновь ударил их.

– Зачем же он это сделал?

Венсан пожал плечами:

– Разве человек способен объяснить все свои поступки? Иногда действуешь просто на уровне интуиции... Позже Тиресий, которому были ведомы ощущения обоих полов, был призван разрешить спор между Зевсом и Герой. Боги желали знать, кто из любовников получает большее наслаждение при соитии. Тиресий поведал им, а заодно и всему миру, что наслаждение женщины в девять раз больше, чем наслаждение мужчины. За помощь в разрешении столь деликатного вопроса Зевс даровал ему дар прорицания и продолжительность жизни в девять раз больше обычной.

– И ты не против повторить его судьбу, – пробормотала Лиза, слишком поздно осознав, что говорит это вслух. – Как мило...

Джемма же только вздохнула украдкой, глядя на него с немым обожанием. Мужчина, который мечтает стать женщиной! Или по крайней мере побыть ею какое-то время. Браво!

Таким образом мир был восстановлен, однако он не пришел к ним в постель. Не пришел, хотя точно знал, что они не против.

Конечно, такое бывало и раньше. Наплававшись и нанырвавшись до одури, он шел после ужина к себе и заваливался с журналом на кровать. Спал до рассвета, а с первым лучом солнца подскакивал и снова бежал к морю. Он любил одиночество и, случалось, пропадал целыми днями. Уплывал на лодке к островам Эрикуса, Мафраки и Офони. Нырлял с аквалангом. Бродил пешком по лесистым холмам. Часами валялся на пустынных пляжах. Особенно ему нравился Офони – знаменитый остров Огигия Гомера, где коварная нимфа Калипсо семь лет держала в плену Одиссея. Но отправиться туда вместе с Лизой и Джеммой ему почему-то в голову не приходило. Впрочем, они не настаивали. У каждого человека время от времени возникает потребность побыть наедине с самим собой.

Ладно, это понятно, но почему только теперь она начала обращать внимание на то, как идет ему его любимая травянисто-зеленая рубашка? К его серо-зеленым глазам и бронзовой от загара коже... к выгоревшим от постоянного пребывания на солнце, отросшим до плеч волосам... Сколько ленивой грации в его походке. С каким непревзойденным красноречием он отстаивает свое право на сигарету в постели, чтение в туалете американских порнографических

журналов, раскладывание на обеденном столе раковин моллюсков, разноцветных камешков для украшения несуществующего аквариума (он-то, конечно, уверял, что дома, в Париже, у него есть самый настоящий аквариум с рыбками, но ему никто не верил) и прочих даров моря. И хотя все это, вместе взятое, придает ему вид отнюдь не мужественный, а, наоборот, легкомысленный и уязвимый, одним словом, неформальный, все недостатки компенсирует сексуальное обаяние, которого у него не отнять.

– Элиза, – слышится шепот в темноте. – Ты не спишь?

– Нет.

– О чем ты думаешь?

– О нас.

– О нас с тобой?

– Ну... обо всех. О тебе, о Венсане, о... – Она споткнулась об это имя, как об заросшую мхом корягу, но все же заставила себя договорить: – О Максе.

Джемма шевельнулась с ней рядом.

– Как тебе удалось отсудить у него квартиру? У твоего бывшего.

– Хороший адвокат.

– Понятно.

Лиза почувствовала ласковое пожатие ее пальцев и ответила тем же.

Вообще-то она не надеялась получить эту квартиру, тем более что Макс тоже пригласил какого-то знаменитого адвоката, но Константин просто сровнял эту знаменитость с землей. «Наконец-то, – сказала мать, – ты встретила настоящего мужчину». Но отношения с настоящим мужчиной не сложились. Она сама все испортила, а позже, осознав этот факт, даже не попыталась исправить. Как будто кто-то извне (а скорее всего изнутри) навязывал ей ту же модель поведения, что и с Максом. «Ты так ненавидишь мужчин, – с горечью сказал ей Константин при расставании, – что нужен какой-то волшебник или царевич из сказки, который явился бы из-за моря, из-за гор, полюбил тебя такой, какая ты есть, и расколдовал поцелуем или еще чем... потому что обыкновенный человек тут бессилен».

– Я не позволю этому недоноску испортить тебе отпуск, – вновь зазвучал в темноте тихий, проникновенный голос Джеммы. – Ты можешь верить мне. Обещаю.

– Почему? – задумчиво спросила Лиза, теребя колечко на ее среднем пальце.

– Почему мы вместе?

– Да.

– Потому что разрешили себе это. Думаю, так.

– Тебе нелегко со мной, правда, подружка?

– Когда как, – помедлив, отозвалась Джемма. – Но вот кому точно нелегко, так это Венсану.

От удивления, а может, от одного звука этого имени Лиза слегка вздрогнула.

– Неужели?

– О да! Ему приходится постоянно напоминать себе о том, что он не должен считать нас своей собственностью.

Лиза молчала, глядя в темноту. Ей вспомнился запах волос Венсана – запах, который при желании можно ощутить уже через пять минут, стоит зайти в соседнюю комнату. Его тонкие ключицы и мускулистые плечи. Мокрый блеск загорелой кожи и гладко зачесанных назад, собранных в хвост волос, когда он выныривает из темно-бирюзовой воды и хватается обеими руками за борт лодки.

В тщетных попытках отгадать, кто он, чем зарабатывает на жизнь, Лиза частенько давала волю воображению и представляла его танцующим стриптиз или стоящим за стойкой бара где-нибудь в Ницце или Сен-Тропе... Мальчик-мужчина, какие ей никогда не нравились. Прожигатель жизни. А может, его содержит богатая старуха, владелица каких-нибудь алмазных копеей,

или вдовствующая герцогиня? Глядя на него, сидящего на веранде со стаканом бренди в одной руке и дымящейся сигаретой в другой, в это было нетрудно поверить. Ноги закинута на перила, томный взгляд полузакрытых глаз устремлен в никуда. О чем он думает в такие минуты?

Однажды она не выдержала и спросила:

– О чем ты думаешь?

Ответ был неожиданным:

– О боге.

– О каком-то конкретном боге или о боге в общем?

Венсан внимательно посмотрел на нее.

– А бывает бог в общем?

От этого простого вопроса она впала в ступор.

– Ну... под конкретным богом я подразумевала кого-нибудь из языческих богов. Греческих, например, поскольку мы сейчас в Греции. А бог в общем...

– Бог Авраама, Исаака и Иакова, – пробормотал Венсан. – Иегова... или Иисус... короче, бог одной из монотеистических религий.

Он рассуждал об этом, напившись бренди, после затянувшейся сиесты, которая прошла довольно бурно на широкой тахте, недавно переехавшей из курительной комнаты в гостиную. Лиза указала ему на это, однако не заставила устыдиться.

– Не вижу в этом ничего противоестественного. *Сексуальность не исключает духовности, ибо в боге все противоположности снимаются*²⁶.

– Похоже, ты начитался Юнга, *chere*.

– Рад, что ты догадалась.

Он немного изменил позу, чтобы окинуть ее сонным, ничего не выражающим взглядом. Ноги его по-прежнему лежали на перилах: скрещенные лодыжки, торчащие из голубого денима подтянутых вверх штанин... босые ступни, аккуратные и ухоженные, какие нечасто встретишь у мужчин... Не без труда Лиза заставила себя отвернуться. Женщина, заглядывающаяся на мужские ножки! Просто анекдот.

– Амулет у тебя на груди – это что-то значит? Я имею в виду – для тебя лично. Или просто способ привлечь к себе внимание?

– Для того чтобы привлечь к себе внимание, мне не обязательно обвешивать себя безделушками, как рождественскую елку, – сдержанно ответил Венсан. – И ты отлично это знаешь. Даже когда я иду по улице, застегнутый на все пуговицы, я все равно привлекаю внимание. – Он пожал плечами. – Хорошие гены... как и в твоём случае, кстати.

– На меня не оглядываются на улице.

– Просто потому, что бояться. – Он тихо усмехнулся. – Только не говори, что это не так. С тобой же заговорить страшно, Снежная королева. У тебя же на лбу написано: «Не подходи, убью».

– Ты преувеличиваешь.

– Ты так замкнута, что это уже граничит с аутизмом, – продолжал Венсан с обычной своей беспощадной прямолинейностью. – Откуда в тебе это? Высокая, стройная, светлая... Такие девушки ходят по подиуму под восторженные аплодисменты публики, а не сидят часами на одном месте, уставясь в пространство.

Но об этом ей говорить не хотелось.

Она сходила на кухню, отыскала чистый стакан и подошла с ним к Венсану, чтобы он плеснул ей Метаксы. Он проделал это с неторопливой грацией абсолютно уравновешенного существа.

– Хотелось бы мне посмотреть на твою подружку! – вырвалось у нее ни с того ни с сего.

²⁶ К.Г. Юнг. Таинство воссоединения.

– Поди посмотри в зеркало, – невозмутимо откликнулся Венсан.

– Что? – Лиза испытующе разглядывала его точеное лицо, одновременно страстное и холодное. – Ты хочешь сказать...

– Сейчас я с тобой. Здесь больше никого нет. Мы занимаемся любовью практически ежедневно. Значит, ты моя подруга, не так ли?

– А Джемма?

– Ну и она тоже. *Bien entendu*²⁷.

В этих доводах, несмотря на кажущуюся неоспоримость, присутствовал какой-то изъян. Вот только какой? Лиза лихорадочно подыскивала слова.

– В определенном смысле ты прав. Но на моем месте могла быть любая другая. Понимаешь? Мы вместе не потому, что встретились и полюбили друг друга, а потому...

– Потому что вам нужен был мужчина, который взял бы на себя большую часть расходов. – Он кивнул. Сделал глоток из стакана. Поставил стакан на край стола. – *C'est assez vrai*²⁸. Но если ты немного подумаешь, любовь моя, то согласишься, что все на свете встречи происходят именно так. На моем месте мог оказаться любой другой симпатичный парень, на твоём – любая другая симпатичная девчонка. Все встречи более или менее случайны, потому-то только часть из них перерастает в серьезные отношения. Но в этом нет ничего сверхъестественного. Это нормальный ход вещей.

– Но ведь ты не влюблен в меня? – спросила Лиза с тревогой.

Он негромко рассмеялся:

– Нет-нет, успокойся. Я в тебя не влюблен. Я вообще никогда не влюбляюсь. Инстинкт самосохранения.

Несколько минут протекли в безмолвии. Было слышно, как в гостиной работает телевизор. Джемма смотрела какой-то полицейский боевик. Венсан окончательно закрыл глаза и казался спящим. Его правая рука, мускулистая и тонкая в запястье, безвольно свисала вдоль спинки стула. Выступающая круглая косточка, узкая ладонь, длинные пальцы... и темное пятнышко на смуглой коже в том месте, куда Джемма ткнула горячей сигаретой.

Воспоминания об этом вызвали у Лизы непонятное ожесточение. Правильно, так и надо, и нечего рассуждать тут о боге и чувствах... Кто он такой, в самом деле? Глянцевый красавчик. Достаточно начитанный, чтобы вести всякие умные беседы. Тактичный, чистоплотный. Немного развратный – но и это скорее достоинство, чем недостаток... М-да, опорочить его даже в собственных глазах оказалось не так-то просто.

– Я спросила про амулет, – заговорила она после паузы. – А ты ушел от ответа.

– Что? – Венсан шевельнулся, расправляя затекшие плечи. – Ах да, амулет...

Лиза повторила вопрос:

– Ты носишь его просто для красоты или исповедуешь какой-то экзотический культ?

– Культ? О господи, нет. – Он все-таки соизволил проснуться. – Я ношу этот амулет, потому что он мне нравится. Такое объяснение тебя устраивает? К тому же это подарок. – Он снял ноги с перил и выпрямился на стуле, устремив на Лизу насмешливый взгляд. – Да-да, никакой мистики, мне его просто подарили.

– Женщина?

– Девушка. Моя юношеская *le grand amour*²⁹. Ее отец коллекционировал такие штуки, и она выпросила одну для меня. К тому времени я уже полгода ходил в женихах, дело считалось решенным, поэтому никто не предполагал, что бесценный артефакт уплывет из семьи.

– Почему же все разладилось?

²⁷ Разумеется (*франц.*).

²⁸ Пожалуй, это так (*франц.*).

²⁹ Большая любовь (*франц.*).

Задавая вопрос, Лиза непроизвольно бросила взгляд в сторону гостиной, словно извиняясь перед ничем не подозревающей Джеммой за свое неуместное любопытство, фактически вынуждающее Венсана к столь же неуместной откровенности. Забавно, что и Венсан сделал то же самое. Как будто Джемма была стражем и тюремщиком их преступного прошлого, которое при каждом удобном случае норовило вырваться на свободу.

– Они оказались ревностными католиками. Вся семейка, включая прапрабабушку, прикованную к инвалидному креслу.

– А ты об этом не знал?

– Знал. Но не считал это серьезным препятствием – пока они не потребовали того же от меня.

– О! – сочувственно промолвила Лиза.

Венсан вяло усмехнулся:

– Да уж, приятного мало. Они чуть не довели меня до истерики. Но самое ужасное, что и Жозе, которая до этого не обнаруживала никаких признаков помешательства, неожиданно присоединилась к общему хору.

– И ты сбежал.

– Ничего подобного, – негодуя возразил Венсан. – Я просто заявил, что это невозможно. Тогда они заставили Жозе расторгнуть помолвку.

– А выйти замуж без родительского благословения ей было слабо?

Он ответил не сразу:

– Видишь ли, у ее родителей всегда были деньги. А я, хоть и располагал кое-какими средствами, без их помощи все равно не смог бы дать ей то, к чему она привыкла.

– Понятно, – пробормотала Лиза. – А она не потребовала назад свой подарок?

– Потребовала.

– Но ты...

– Но я не отдал.

Лиза придвинулась к нему вместе со стулом, протянула руку и положила на ладонь молочно-белый овальный камешек с изображением коронованного змея.

– Так, значит, эта гемма подлинная? И она стоит денег?

– Вроде того.

Некоторое время она размышляла. Задать вопрос или не задать? Ладно, навряд ли это что-нибудь изменит.

– А почему ты не захотел стать католиком?

– Ну, поскольку до знакомства с Жозе я спокойно без этого обходился, что-то подсказывало мне, что смогу обходиться и впредь.

– То есть в принципе ты ничего против католиков не имеешь?

– Ничего. Я же сказал. Я и против православных ничего не имею. И против иудеев, и протестантов, и мусульман, и парсов, и Свидетелей Иеговы, и приверженцев культа Ктулху... до тех пор, пока они не начинают свои игры в спасение заблудших душ.

– Правда? Значит ли это, что сам ты не мусульманин, не иудей, не парс, не Свидетель Иеговы...

– ...и не приверженец культа Ктулху, – закончил он со снисходительной улыбкой. – Ты правильно поняла, дорогая. И кто сказал, что все блондинки – дуры?

Лиза поджала губы.

– Судя по интонациям твоего голоса, ты считаешь все религии одинаково бесполезными.

– Беспольными? О нет, они в высшей степени полезны. Можно еще немного Юнга? *Великие религии являются психотерапевтическими системами, своего рода костылями для тех, кто не способен стоять самостоятельно. Увы, таких людей подавляющее большинство*³⁰

И тут до нее дошло.

– Так ты из тех, кто способен стоять самостоятельно.

– Я из тех, кто учится стоять самостоятельно, – поправил Венсан. – И по-моему, это главное. Падать, подниматься, – свои слова он сопровождал жестами, – никогда не оставлять попыток.

Разговор становился каким-то бредовым. Неестественные реакции, притянутые за уши аргументы... Интересно, так всегда бывает, когда подолгу говоришь с иностранцем?

И все же его слова вызвали у нее некое смутное беспокойство. Человек, избегающий проторенных дорог, способен на многое. Он непредсказуем и в своих действиях, как правило, руководствуется не принципом, а прихотью.

– Ты отказался пожертвовать своими амбициями ради любви, – произнесла она чуть резче, чем собиралась. – Мог бы просто притвориться. Тысячи людей называют себя католиками, переступая порог церкви не больше четырех раз за всю жизнь: во время крещения, конфирмации, венчания и похорон. А некоторые умудряются обойтись и без венчания.

– На похороны же им по большому счету наплевать, – подхватил Венсан. И мягко улыбнулся, глядя на Лизу, как на неразумного ребенка. – Нет, кажется, ты все-таки не поняла.

– А ты? Ты уверен, что понял этих людей? Быть может, если бы ты внимательно слушал, им удалось бы кое-что тебе объяснить.

– Я слушал внимательно – пока мне не надоело ходить по кругу. Видишь ли, *ma petite*, никто не может доказать бесспорность своей идеи. Он может лишь отстаивать ее, усердно и безнадежно, особенно в том, что касается религиозных воззрений. То же христианство, религия братской любви, дает нам пример нескончаемых распрей, которые сопровождаются чудовищным кровопролитием.

– Но христианская религия – это не только распри. В ней есть много разного. Все эти прекрасные ритуалы, имеющие глубокий смысл...

– Да, ритуалы. И их история уходит в глубокую древность. Так, например, Тело Христово, важнейший атрибут мессы, принадлежит культу Митры. В этом древнем культе использовался хлеб с оттиснутым на нем крестом, который делился на четыре части. Хлеб, колокольчики, крестильная вода – все это, разумеется, дохристианское. Что же касается ритуала освящения воды и превращения ее в *aqua permanens*, «вечную воду», то это уже алхимическое понятие.

– Чернокнижник, вот ты кто, – сказала Лиза, вставая.

Венсан удержал ее за руку. Тусклый свет садового фонаря и тени, лежащие в его глазницах и впадинах щек, придавали его облику нечто вампирское.

– Даже если и так, ты не вправе меня осуждать, потому что в глубине души ты такая же безбожница, как я.

Услышав эти слова, произнесенные зловещим шепотом, Лиза вздрогнула и попыталась высвободить свою руку, но это привело лишь к тому, что Венсан сжал ее еще крепче.

– Я не говорила «безбожник». Я сказала «чернокнижник». Это разные вещи.

– И одно не обязательно влечет за собой другое, ведь правда?

– Да.

Он отпустил ее и вновь откинулся на спинку стула. В его глазах дрожали искорки смеха.

– Ладно, иди. Иди к своей сестрице, которая в любом случае утешит тебя лучше, чем я.

– Ты не человек, – прошептала Лиза, дрожа неизвестно отчего. – Ты... ты ядовитая змея!

³⁰ К.Г. Юнг. Таинство воссоединения.

Глава 4

На этот раз телефон зазвонил среди ночи.

– Господи боже, – застонала, переворачиваясь на спину, Джемма. – Да выключи его наконец!

Лиза дотянулась до тумбочки, в темноте нащупала трубку, уронила, выругалась вполголоса и, нагнувшись, принялась шарить руками по полу. Трезвон не прекращался.

– Ох! – Джемма села в постели. – Тебе помочь?

– Не надо. Я нашла.

– Ну так выключи его к чертовой матери! Зачем ты вообще оставляешь телефон включенным на всю ночь? Тем более когда этот козел...

– Эй, что тут у вас происходит?

На пороге возникла долговязая фигура Венсана. Он был в пляжных шортах, в зубах дымилась сигарета.

– Ничего, – после короткой паузы отозвалась Лиза. Ей наконец удалось отыскать и отключить чертов телефон. – А ты что подумал?

– Честно говоря, я уже не знал, что и думать.

– Ложись-ка лучше в постель. Ночь на дворе. Ты не заметил?

– Ночь? – Усмехнувшись, он шагнул в комнату. – Не может быть. По ночам все нормальные люди спят, а не скачут по комнате в чем мать родила под душераздирающие трели взбесившегося мобильного.

– Курить у нас в спальне? – взвизгнула Джемма, запуская в него подушкой. – Пошел вон, наглец!

Лиза тоже повысила голос, умоляя их прекратить балаган, и, учитывая, что свет в комнате никто так и не включил, все происходящее стало напоминать ночное побоище в палате психиатрической клиники.

– *Diable!*³¹ Ты сломала мне сигарету!

– Скажи спасибо, что я тебе челюсть не сломала!

– Чертова идиотка!

– Подонок! Сын шлюхи!

– *Un peu trop forte!*³²

Наконец все улеглось. Венсан удалился на свою половину. Джемма задремала, уютно уткнувшись в плечо лежащей рядом Лизы. И завертелась привычная карусель мыслей: Господи, что же надо сделать, чтобы он наконец оставил меня в покое... До каких пор это будет продолжаться? Неужто до самой моей смерти... моей или его... Нет, кроме шуток, пора уже положить этому конец!

В сущности, это были даже не мысли, а так, бессвязные восклицания, нескончаемый внутренний монолог. С удивлением Лиза обнаружила, что почти смирилась с неизбежностью приезда Макса на Корфу. А ведь он еще ни разу не заявил о своем намерении, ему попросту не дали такой возможности. Не исключено, что это вообще не входит в его планы (пока не входит), а слова «скоро увидимся» и в самом деле означают только то, что он рассчитывает на встречу в Москве. Но скоро все изменится. То есть буквально все. Макс приедет, и они встретятся на набережной Керкиры. О чем пойдет разговор? Об ошибках молодости? Фи, как это мелко...

Лиза еще не чувствовала себя готовой услышать его голос, сказать ему «приезжай», но мысль об этом уже не приводила ее в ужас. Приятного мало, да. Но надо же в конце кон-

³¹ Дьявол! (франц.)

³² Ну, это уж чересчур! (франц.)

цов научиться смотреть в глаза своим страхам. Она не присутствовала при процедуре развода, предоставив все профессионалам, с безоговорочного одобрения мамочки, да и других родственников тоже. К чему излишняя нервозность? Макс никогда не умел вести себя ПРИЛИЧНО. В результате осталось ощущение недосказанности и собственной неполноценности. Как если бы она разбила стекло в школьном классе, а разбираться отправила родителей. Макс был вне себя. Его электронные послания прямо-таки сочились ядом. Она не отвечала, так было проще, и это молчаливое презрение распяляло его еще больше.

Что ж, поиграли и хватит. В какой-то момент и он, и она настолько увлеклись, что начали принимать игру за настоящую жизнь. Но настоящая жизнь – это река, и сделать ее полноводной может любая страсть, за исключением ненависти. Любовь, сострадание, как это ни банально. А ненависть порождает только ненависть. Ничего другого, замкнутый круг. И беготня по этому кругу рано или поздно приводит ослика напрямик в ад.

Впитывая благоухание спящего сада, слушая уханье сов в рощах, расположенных выше по склону, Лиза совсем было расслабилась, но неожиданно вздрогнула. Ее охватило предчувствие, что именно здесь и сейчас, на этом месте и в самое ближайшее время, все разрешится каким-то образом. Так или иначе.

Хрустнула сухая ветка. Внизу, под окном, кто-то не то захрюкал, не то заворчал. Дикий вепрь? Медведь? Лиза улыбнулась с закрытыми глазами. На всем белом свете нет более безопасного места, чем Керкира.

– Вставай, сонная тетеря! На завтрак круассаны и творог с джемом. Опять будешь капризничать?

Как же не хочется просыпаться! Но за окном уже светит солнце, и орут цикады, и от запаха раскрывшихся на рассвете цветов можно потерять сознание.

– *Mamma mia!* Сколько можно валяться? – Джемма тянет с нее одеяло. – Кофе остынет!

Лиза протестующе мычит. Сон, приснившийся под утро, не желает выпускать ее из объятий. В этом сне она перешла вброд неглубокую быструю речку и оказалась на травяной пустоши, простирающейся до самого горизонта. Долго шла без цели и без мыслей, а когда почувствовала усталость, присела на большой серый валун. Реки уже видно не было. Куда идти дальше, она совершенно не представляла. Повсюду, насколько хватало глаз, колыхалось зеленое море травы, и только далеко на западе (почему-то она была уверена в том, что это запад) темнела стена деревьев, за которой (опять-таки она знала это совершенно точно) начинался густой, опасный, непроходимый лес.

Неожиданно трава у нее под ногами зашевелилась, и из-под валуна с угрожающим шипением выползла большая змея. Солнце играло на ее золотисто-изумрудной чешуе, а на голове красовался гребень, напоминающий корону. Лиза отпрянула и уже хотела бежать, но вовремя вспомнила, что спастись бегством от змеи ни в коем случае нельзя – наверное, во сне она перепутала змею с собакой. Так или иначе, она испуганно вскрикнула. В мгновение ока плоская, хищная голова оказалась вровень с ее лицом.

– Ты заблудилась? – спросила змея. Взгляд ее холодных, блестящих глаз парализовал Лизу. – Не бойся. Я дам тебе камень, с которым ты пройдешь по самым непроходимым тропам, и поднимешься на самые высокие горы, и опустишься на дно самых глубоких морей. Но ты отдашь мне кое-что взамен...

– Что же?

– Узнаешь, когда придет время.

И как только змея произнесла эти слова, Лиза почувствовала у себя на ладони что-то твердое и холодное. Зеленоватый шарик, идеальный по форме, выточенный из камня, похожего на хризопраз. Она поднялась на ноги и, продолжая разглядывать камень, направилась через поле к лесу. Один раз она оглянулась, но ни змеи, ни валуна на прежнем месте уже не было.

Когда она углубилась в чащу леса, в голове у нее внезапно зазвучали голоса. Два голоса, не мужские и не женские – какие-то неопределенные. И один из них взмолился: «Спаси меня, о боже, ибо я стою между двумя светочами, известными своей греховностью, и не знаю, как избавиться от них». А второй отвечал: «Поднимись к Великому Агатовому демону и проси помощи у него, и знай...»

Ступая по мягкому ковру из мха и опавших листьев, Лиза спрашивала себя: что это значит? кто-то еще сбился с пути? кто-то более смиренный и мудрый, чем она, кому хватило мужества воззвать к всемогущему божеству? Снедаемая любопытством, она уже совсем было решила вернуться и хорошенько рассмотреть обладателей таинственных голосов, но тут появилась Джемма со своими итальянскими воплями и разрушила все волшебство. Что за ужасная женщина!

Они завтракают вдвоем, под неумолчный стрекот цикад. Горячий кофе, хрустящие круасаны, вкуснейший творог, сливовый и апельсиновый джем...

Венсан с утра пораньше умотал на своей лодке в Палеокастрицу и сейчас, наверное, уже ползал по дну с аквалангом в поисках бог знает каких пиратских сокровищ. Лизу всегда восхищала его способность улавливать энергетические вибрации этой стихии. В воде он чувствовал себя как рыба. Он СТАНОВИЛСЯ рыбой. Человеком-амфибией.

Телефонный звонок раздается в самый неподходящий момент. Джемма держит на весу дымящийся кофейник, намереваясь налить еще по чашечке кофе себе и Лизе, Лиза дожевывает круассан. Тирлим-бом-бом – девочки, а вот и я! В результате изрядное количество кофе оказывается на скатерти, а Лизе приходится долго кашлять, чтобы угодившая не в то горло крошка переместилась в положенное место.

Томительная пауза, во время которой испускающая жалобные трели трубка медленно плавится под неотрывными взглядами двух злющих ведьм. Кофейная лужица на скатерти. Недоеденный завтрак. Бездна испорченного аппетита.

– Слушай, – шепчет Джемма, целиком сосредоточившись на созерцании трубки. – Послушай меня.

Лиза вопросительно поднимает глаза. Дыхание ее отчего-то тяжелеет, во рту появляется привкус металла. Она уже знает, что услышит.

– Ответь ему.

– Зачем? – пробует она возразить, хотя внутренне давно уже подготовилась к такому развитию событий. – Он начнет напрашиваться в гости.

– Пусть приезжает.

– Что?

– Пусть приезжает, – повторяет Джемма чуть слышно. – Ведь он сделает это в любом случае, правда? Так пусть уж лучше приедет с нашего ведома и согласия.

Лиза мучительно размышляет, телефон тем временем продолжает звонить.

– Мы встретим его, привезем в наш дом, а там... там видно будет. Его приезд останется незамеченным. А если он приедет просто так и примется разыскивать тебя по всему острову, задавать вопросы, обращаться во всякие учреждения... в полицию или департамент по туризму... – Джемма пожимает плечами, при этом не забывая следить за выражением Лизино лица. – Зачем привлекать к себе ненужное внимание? Все равно чье.

– Ох-х... – выдыхает Лиза со стоном.

Ей страшно, потому что в глазах Джеммы – в этих черных, как вода на дне колодца, томных и диких итальянских глазах – можно с легкостью прочесть сценарий всех событий, которые могут (или должны?) произойти в ближайшие дни.

Мы встретим его...

Господи, да она сама не знает, что говорит!

...а там видно будет.

Просто старается разрядить обстановку, а сделать это чаще всего удастся самым неожиданным, нелепым и неподходящим способом. Шоковая терапия: «Слушай, парень, ну ты достал! Хочешь приехать? Валяй. Посмотри на нас, убедись, что ты никому здесь на хрен не нужен, и убирайся к чертовой матери».

– Ответь ему, Элиза.

Подумай хорошенько. Пока еще не стало слишком поздно.

Что значит «слишком поздно»? Бога ради, что? Даже если он переступит порог этого дома, ничто не помешает нам в любую минуту выставить его вон. И может быть, это будет даже забавно...

– Ответь, слышишь?

Voilà, как сказал бы Венсан, она ответила.

– Слава богу! – произнес Макс со смешком. – Я уж думал, ты никогда этого не сделаешь.

Как ни странно, звук его голоса не вызвал у нее никаких эмоций. Ни злости, ни раздражения – ничего.

– Что тебе надо?

– Господи, Лиза! Могла бы, по крайней мере, поздороваться.

Она промолчала.

– Ну, ладно... – Макс вздохнул. – Ладно. Я только хотел узнать, как твои дела.

– Мои дела? А с каких это пор тебя стали интересоваться мои дела?

– Ох, да хватит уже! Я не хочу ссориться, Лиза.

– А тебе никто и не предлагает. Я вообще не понимаю, какого черта мой номер делает в твоей записной книжке? Мы расстались, Колесников. Ты забыл?

– Нет, не забыл. И мне очень жаль, что так случилось.

Так, только не заводись. Он еще много чего может наговорить, и весь его репертуар тебе давным-давно известен. Ах, если бы можно было начать все сначала... всего один шанс, ну что тебе стоит... последний шанс...

Протянув руку, Лиза вытряхнула из пачки сигарету. Сидящая рядом Джемма напряженно прислушивалась к ее словам, не понимая ни слова, но догадываясь, что разговорчик получается не из приятных.

– Послушай, – сказала Лиза миролюбиво. – Мы расстались два года назад. И на протяжении этих двух лет месяца не проходило без того, чтобы ты так или иначе не напомнил о себе. Скажи честно, тебе не надоело?

– Я скучаю, Лиза.

– Боже милостивый! Тебе что, больше делать нечего? Ну, начни ходить в спортзал...

– Афины – чудесный город, – помолчав, сообщил Макс. – А еще я думаю съездить на экскурсию в Эпидавр.

– Очень интересно, – произнесла Лиза ледяным тоном.

– А как тебе Корфу?

– Неплохо.

– Ты там одна?

– С друзьями.

– С друзьями? Откуда у тебя друзья?

Она засмеялась.

– Прости, – спохватился он. – Я не то хотел сказать.

– Ты сказал именно то, что хотел. Впрочем, не важно. – Лиза сморщилась от дыма и неловким движением загасила сигарету в пепельнице. – Поезжай на экскурсию в Эпидавр. Желаю удачи. И постарайся не беспокоить меня, договорились?

– Нет-нет, Лиза, погоди! Еще минутку, ладно? Я только хотел сказать... ну... – Кажется, словарный запас у него неожиданно иссяк. – Мы не очень хорошо расстались, и я подумал...

– Мы не очень хорошо встретились – это точнее.

– Черт! – выкрикнул он в отчаянии. – Ты дашь мне сказать или нет? Если бы я мог приехать к тебе на денек...

Нажатию кнопки она прервала его излияния, положила трубку на стол и посмотрела на Джемму.

– Ну? – спросила та нетерпеливо.

– Что «ну»? Все как обычно. Трампам-пам... мы не очень хорошо расстались... тира-рам... я скучаю... пум-пу-рум... мне жаль, что так случилось... трампам-пам.

– Черт возьми! – Джемма недоверчиво рассмеялась. – Все так плохо?

– Много хуже, любовь моя. Много хуже.

– Сварить еще кофе?

Лиза подумала.

– Пожалуй. – Вновь подняла глаза и застыла, очарованная красотой подруги. – О дочь греха, как же я люблю тебя, это просто уму непостижимо.

Та печально улыбнулась:

– Не болтай глупости, Элиза. Слова любви ничего не значат для тебя. Так же, впрочем, как и для меня.

Во второй половине дня Макс прислал эсэмэску, в которой сообщил, что прибудет в Керкиру послезавтра в 14:00. Осознав это в полной мере, Лиза издала вопль, достойный подмостков древнегреческого театра. Ну, все, маховик завертелся. Что теперь можно сделать? По всей видимости, ничего.

Когда Венсан выпался и, позевывая, спустился вниз посмотреть, не осталось ли в холодильнике немного сыра, пиццы и пирожков с мясом, первым делом ему пришлось выслушать сенсационную новость: бывший муж одной из его легкомысленных подруг едет сюда с целью отравить им жизнь. Ну и как ему это нравится? Готов ли он встретиться лицом к лицу с вышеупомянутым гнусным типом (без сомнения, хамом, обладающим кучей самых отвратительных недостатков), или им, двум слабым женщинам, придется взять все на себя?

Вопреки их ожиданиям, Венсан отнесся к известию довольно-таки равнодушно. Выслушал, не меняясь в лице, сначала монолог Джеммы, потом монолог Лизы, при этом не забывая отдавать должное пирожкам и сыру, затем откинулся на спинку стула, закурил сигарету и рассеянно произнес:

– Ну что ж... Может, это и к лучшему.

– Что? – вскричали они в один голос.

Венсан чуть усмехнулся:

– Я должен сделать вид, что потрясен? Или подавлен? Бросьте. На самом деле никто из присутствующих не чувствует себя ни потрясенным, ни подавленным, ни даже просто огорченным. Что, не так? *Regardez-moia!*³³ Вы предвкушаете грандиозное развлечение, и по большому счету я вас понимаю.

– Какой же ты противный, – сказала, помолчав, Лиза.

– На этот счет могут быть разные мнения.

Успокоившись, они расположились вокруг стола. Венсан переставил пепельницу на массивный буфет из мореного дуба, за стеклянными дверцами которого виднелась всевозможная посуда, закупленная в керамических лавках Керкиры. Немного отодвинулся, чтобы вытянуть ноги, и приготовился к неторопливой вечерней беседе. Джемма достала из холодильника бутылку белого вина.

³³ Посмотрите-ка на меня! (франц.)

А может, это и есть счастье? – вдруг подумала Лиза. – Сидеть вот так в компании друзей-любовников, которые никогда и ни в чем тебя не упрекнут. Потягивать белое вино. Смотреть в бархатную греческую ночь и чувствовать себя свободной.

– ...смерть вообще часто ассоциируется со змеями, – рассуждает Венсан в ответ на какой-то вопрос Джеммы. – Так же, впрочем, как и *libido*. Что?.. Вожделение, страстное влечение, кому как нравится. Нет-нет, это не одно и то же... Миф о герое, продолжающем после фактической смерти жить и почитаться в образе змея, очень стар. Вспомним Трофония и Эрехтея. Ну, и во все времена змея считалась символом мудрости. Это общеизвестно.

Его слова наводят Лизу на размышления. Она вспоминает свой сон, в котором змея говорит с ней и даже преподносит ей талисман. Змея – символ смерти, символ *libido*, символ мудрости.

Чуть заметно хмурясь, она разглядывает резные орнаменты на деревянных дверцах буфета; раздвинутые черно-бело-красные шторы из домотканого полотна, которое до сих пор изготавливают в некоторых деревнях на севере острова. Облупленный подоконник, горшок с цветущей геранью, буйные заросли бугенвиллеи за окном. Потом переводит взгляд на Венсана. С гладко выбритой кожей, с промытыми и просушенными волосами, свободно рассыпавшимися по плечам, он выглядит чрезвычайно романтично. Мужчина со змеем на шее. Мужчина-змея. Минуточку... Ты ли змей?

Внезапно до нее доходит, что он обращается к ней:

– ...этому должно быть какое-то объяснение. Давай же Расскажи нам, *ma petite*. Мы твоя семья, и мы имеем право знать.

– О господи, да я уже все рассказала. Сюда едет мой бывший муж. Мы прожили в браке четыре года. Два года назад развелись. И только после этого он понял, что жить без меня не может. Я же поняла обратное: что только без него-то и могу жить. Сюжетец в духе Анаис Нин. Что еще тебе нужно знать?

– Почему вы не захотели жить вместе?

– Почему, почему... – Лиза жестко усмехнулась и посмотрела ему прямо в глаза. – Потому что не ставили перед собой такой задачи. Мы вступили в брак не для того, чтобы жить вместе, а для того, чтобы свести друг с другом счеты. Мне это удалось, а ему, как видно, не вполне. Вот он и бесится.

– Свести счеты? – переспросил Венсан. Кажется, он ожидал чего угодно, только не этого. – Интересный способ... Что же он тебе сделал, этот мерзавец, что ты не пожалела четыре года своей жизни, чтобы рассчитаться с ним?

– Ничего особенного.

– Да? В таком случае не сводила ли ты счеты со всей мужской половиной человечества в его лице?

– Возможно.

– Тогда скажи, бога ради, чем провинилась перед тобой мужская половина человечества?

Слыша этот вопрос, Лиза неизменно покрывалась мурашками. Так было и на этот раз. Кожа отреагировала быстрее, чем сознание. Параллельно что-то изменилось в ее лице, и, должно быть, это выглядело впечатляюще, потому что Венсан торопливо подался вперед и похлопал ее по руке.

– Ладно, Лиз, извини. Можешь не рассказывать.

– Нет, почему же, – произнесла она механическим голосом. – Я расскажу. – Выпрямилась на стуле, как будто ей предстояло отчитываться перед какой-то авторитетной комиссией, окинула взглядом напряженные лица своих слушателей и продолжила так же сухо и отчетливо: – Когда мне было шестнадцать лет, меня изнасиловал на вечеринке незнакомый парень. То есть незнакомым он был только для меня, его пригласила одна из моих подруг. Я сразу же позвонила родителям, они приехали, забрали меня и отвезли к врачу, который засвидетельствовал

факт избиения, а также потери девственности в результате изнасилования. Через месяц состоялся суд. Парень получил год условно. Почему условно? Ну, его адвокат оказался более красноречивым, чем мой. Он просил высокий суд принять во внимание то обстоятельство, что все произошло на школьной вечеринке. Пиво, вино и шампанское лились рекой. Подвыпившие девушки, одетые в декольте и мини-юбки, вели себя нескромно, смеялись и кокетничали, таким образом невольно провоцируя сексуально возбужденных юношей на соответствующие действия. То, что я отбивалась и звала на помощь (это подтвердили несколько человек), особого впечатления не произвело. Девушки ведь часто говорят «нет», когда на самом деле хотят совсем другого, правда? – Губы ее изогнулись в горькой усмешке. – Одним словом, парнишку пожурили по-отечески и отпустили домой, на всякий случай предупредив, чтобы больше он так не делал.

Она умолкла, уставившись на кружку с недопитым кофе.

В воцарившейся тишине Венсан не то вздрогнул, не то поежился на скрипнувшем стуле.

– *C'est emmerdant!*³⁴

Джемма застыла в оцепенении, глядя на Лизу полными слез глазами.

– Не могу сказать, что в результате этой трагедии у меня выработалось стойкое отвращение ко всему мужскому полу, – заговорила Лиза чуть погодя, уже более живым и естественным тоном. – Вовсе нет. Я встречалась с парнями, ложилась с ними в постель – все как полагается. Но длительных и серьезных отношений почему-то не получалось. То ли я не умела дорожить чужими чувствами, то ли парни попадались какие-то непутевые, трудно сказать. Да я уж всего и не припомню. Давно дело было.

– Как давно?

– Порядочно. А когда мне стукнуло двадцать шесть, на моем горизонте неожиданно появился тот самый парень с вечеринки. Насильник. И заявил, что влюблен в меня по уши. Что за все эти годы так и не смог меня забыть. Страдал, не смел напомнить о своем существовании... мечтал искупить свою вину... Что я – воплощение всех его идеалов, и так далее, и тому подобное.

Теперь оба сидели очень тихо и слушали ее не перебивая. В какой-то момент, бросив взгляд на Венсана, Лиза заметила капли пота у него на висках. С чего бы? Так сильно разволновался? Вечер вроде не душный.

– К тому времени он уже достиг некоторых высот (с учетом своей судимости, разумеется, которая, как ни крути, в некотором смысле все же подпортила ему биографию), обзавелся квартирой, машиной и прочими атрибутами успеха. Но в личной жизни ему тоже не везло. Меня это порадовало. Не скажу, что все эти годы я жила ожиданием того дня, когда мне наконец представится случай осуществить над ним свое мщение, или как там сказано в Ветхом Завете, но когда он завел эту песню про неземную любовь, я задумалась. Он выглядел интеллигентным, благополучным, надежным, и я... ну, одним словом, я...

Тут она как-то странно замешкалась. Протянула руку за кружкой, но рука предательски задрожала, и пришлось тут же поставить кружку обратно на стол.

– Ты вышла за него замуж, – шепотом договорил Венсан.

Лиза кивнула.

Джемма тихонько ахнула и в ужасе прикрыла рот ладонью.

– Я думала, это все изменит, – с трудом проговорила Лиза, справившись с собой, – и можно будет уже не возвращаться к прошлому. Я думала...

– Ты думала, что если вы узаконите то изнасилование десятилетней давности, оно перестанет быть изнасилованием, – так же тихо закончил Венсан. – Но оно не перестало.

– Нет. Не перестало.

³⁴ Вот дерьмо! (франц.)

– *Et puis?..*³⁵

– Поняв, что мне не удастся научить себя смотреть на него как на друга сердечного, я начала смотреть на него как на врага. Я объявила ему войну, и он, как мне кажется, с радостью принял вызов. Бедняга, он не учел одного: женского коварства. Дождаться подходящего момента, грамотно рассчитать силу удара – этим умением я овладела в совершенстве. За четыре года нашей совместной жизни он потерял кучу денег, а взамен приобрел только язву желудка, перессорился со всеми своими родственниками... всего не перечислишь. Да и надо ли? Все это в прошлом, мои дорогие. По крайней мере для меня.

– Ты разорила его?

– Ну, не совсем. И не сразу. – Она почувствовала на себе пристальный взгляд Венсана и ответила ему тем же. – Что, не надо было?

– Вопрос неуместен. Насколько я понимаю, для тебя это было *point d'honneur*³⁶. Что касается его... ему, по всей видимости, оставалось только восседать, точно Иов, на руинах своей безнадежно загубленной жизни, проклиная тот день, когда на глаза ему попалась эта очаровательная блондинка.

– Ты осуждаешь меня?

– Боже упаси!

Он отвернулся, чтобы стряхнуть пепел с сигареты. Лиза обратила внимание на нарочитую медлительность его движений. Медлительность, свойственную человеку, изо всех сил сдерживающему свой гнев.

– Ты изменяла ему? – спросила Джемма.

– Постоянно. С его друзьями, сослуживцами, родственниками, случайными знакомыми... со всеми подряд.

– Он знал?

– Разумеется. Я и не пыталась что-либо скрывать. С какой стати? – Лиза тоже, неизвестно зачем, потянулась за сигаретами. Курить она не любила и делала это крайне редко, просто чтобы занять руки. – Считаете, я была не права? – Никто не отозвался. – Я была честна, только и всего. В конце концов, никто не заставлял его жениться, правда?

– Он не пытался поднять на тебя руку? – поинтересовалась Джемма.

– О нет. Учитывая имеющуюся судимость, это было бы крайне опрометчиво с его стороны.

– *Mon Dieu*³⁷, каким же он был идиотом! – пробормотал Венсан. – Ему следовало бежать от тебя, бежать сломя голову.

Джемма мрачно взглянула на него исподлобья и вновь повернулась к Лизе:

– Зачем же все-таки ты вышла за него замуж?

– Он этого хотел, он это получил. – Лиза брезгливо передернула плечами. – Знала бы ты, сколько времени и сил он потратил на ухаживания. Он в полном смысле слова преследовал меня, проходу мне не давал. Названивал по телефону, засорял мой почтовый ящик всякими бездарными любовными посланиями, поджидал после работы... Это был какой-то кошмар!

– Как ты его называла?

– Никак. Я не называла его по имени. Я не готовила обедов и ужинов, просто покупала полуфабрикаты. Я не убиралась в квартире, он сам вытирал пыль и пылесосил по выходным. А его родители... – Лиза перевела дыхание. – Представляете, они даже не поняли, что я и есть та девчонка из зала суда, которую они во всеуслышание называли проституткой и которой названивали с дурацкими угрозами, требуя, чтобы она отозвала свой иск. Он ничего им не

³⁵ А потом?.. (франц.)

³⁶ Дело чести (франц.).

³⁷ Боже мой (франц.).

сказал. Я сама сказала – после развода. То-то была потеха. Маменьку чуть не хватил удар. Черт, и они еще обижались на то, что я не бываю у них в гостях! Новый год, юбилей, годовщина и прочее, прочее... Как я могла сесть с ними за праздничный стол?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.